

Гай Юлий Орловский

Риц@рд

Длинные Руки —
эрбирини

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – эрбпринц
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 41

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5001591

Ричард Длинные Руки – эрбпринц : фантастический роман / Гай Юлий

Орловский: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63221-3

Аннотация

Все опаснее и тревожнее дорога крестоносцев в северные земли. Битвы с армиями Мунтвига чаще, расходятся взгляды с великим инквизитором на церковь и ее роль, лорды полны решимости наконец-то женить Ричарда, а ему подошел день, когда нужно нести службу в покоях королевы эльфов...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	51
Глава 6	66
Глава 7	74
Глава 8	83
Глава 9	95
Глава 10	106
Глава 11	115
Глава 12	124
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – эрбпринц

Часть первая

Глава 1

Лорды гурьбой выходили из шатра, с лязгом и скрежетом сталкиваясь стальными плечами в узком проеме.

Последним покинул совещание Норберт, единственный, кто не в металле. От его темных лат из толстой кожи, как всегда, ни звяка, и даже в лунную ночь ни отблеска, бесшумный, как горный волк, но такой же смертоносный.

На выходе остановился и учтиво придержал полог, пока порожек с той стороны переступает Аскланделла. Дочь императора сегодня в багровой короне и в платье цвета пурпурного заката.

Я не сижу, так что подниматься в знак приветствия не пришлось, как и кланяться.

Она вошла во всем блеске молодости и великолепия. За спиной мелькнул сопровождающий ее любезный принц Сан-

дорин, но благоразумно остался по ту сторону.

Норберт выпустил из пальцев край полога, тоже исчез, мы с Аскланделлой остались одни. Полная спеси и надменности, с прямой спиной и не такими уж узенькими плечиками, как ожидаем от болезненных принцесс, вообще у нее плечи весьма, она взглянула на меня в упор удивительно светлыми глазами, настолько похожими на горный лед, что даже густые черные ресницы, длинные и загнутые, не сумели бросить тень.

В отличие от большинства женщин, у которых брови тонким шнурком, нередко вообще едва заметные, у этой густые, черные и какие-то грозные, почти сросшиеся над переносицей, из-за чего я поглядывал на них чаще, чем на ее резко очерченную грудь.

– Ваше высочество, – произнес я наконец, чувствуя, что ей рот открыть первой можно только на дыбе, – надеюсь, ваша прогулка верхом была... удовлетворительной.

Она произнесла ровным голосом:

– Весьма.

– Я как бы рад, – сказал я любезно и ощутил, что злость сковывает мне челюсти, вот-вот заскрежешу зубами. – И... ах да, счастлив.

– Принц Сандорин был очень любезен, – сообщила она тем же холодным ясным голосом. – Вот уж не думала, что на далеком развращенном Юге еще сохранилась любезность!

- Сохранилась, – подтвердил я светски. – Почему-то. Ага.
- Но, видимо, он такой единственный.
- Ваше высочество, – сказал я протокольным голосом. –

Позвольте вас проводить к креслу.

Она милостиво позволила, я проводил ее целый шаг, усадил, не прикасаясь к укрытым пурпурным атласом плечам даже кончиками пальцев, а как бы помавая в полудюйме от них, этикет соблюдаю, и отступил с поклоном.

– Позвольте прояснить обстановку, – сказал я таким голосом, каким говорило бы дерево, – вы неосторожно обронили у Мунтвига, что мы, южане, вовсе не черти с рогами, на что там обиделись, а Мунтвиг в благородной вспышке гнева... у нас, правителей, все благородное!.. тут же отправил вас взад. В смысле, не к отцу, а ко мне.

Она слушает с таким видом, что не поймешь, западает ли хоть слово в ее розовые ушки, это не просто злит, а бесит, и я договорил, едва не лязгая зубами от злости:

– Уверен, он уже пожалел о своей вспышке!.. Жаль, у него не такие свободные и раскованные военачальники, перечить и советовать одуматься не посмели. Потому мы сделаем все для вашего счастья... это значит, со всей незамедлительностью постараемся вернуть вас вашему жениху. Будьте спокойны, у нас все получится.

Она произнесла хрустальным голосом:

– Во всяком случае, это у вас получится.

Я окинул ее гневным взглядом, прямая, чтоб сиськи за-

метнее, и в то же время надменная, чтоб зелен виноград, да, грамотные. Взгляд устремлен перед собой, и неважно, что там, главное – все равно интереснее, чем этот раздраженно вышагивающий принц, возомнивший себя способным тягаться с ее женихом.

А «это» выделила нарочито, как будто все остальное у меня прям рушится.

– На это время вам выделяют отдельный шатер, – сообщил я. – Не самый роскошный, у нас вообще таких нет, но и не солдатскую палатку.

Она впервые повела в мою сторону глазами, я ощутил себя так, будто по моей морде стегнули свежей крапивой.

– Спасибо за любезность, принц.

– Господь создал Адама, – пояснил я с холодной любезностью, – а его забота о женщине сделала из него мужчину. Мы лишь продолжаем традицию.

– Принц...

– Если нужна особая помощь, – сказал я сквозь зубы, – вам помогут женщины. Если захотят, конечно.

Она подняла на меня взгляд, жжение исчезло, взамен кожа ощутила приятное тепло.

– Женщины?

– Благородные женщины, – уточнил я. – Правда, почти все остались в той армии, что перекрывает дороги в наши королевства, но в нашей ударной тоже есть.

Она переспросила с таким видом, что вот сейчас поймает

меня на лжи:

– Женщины в армии?

Я хмыкнул.

– Видели бы вы, как эти беззащитные создания, как мы говорим, сражаются!.. Мужчины говорят, нельзя становиться на пути у носорога и беззащитной женщины. Так что, все мы, может быть поневоле, но к женщинам относимся не только с восхищением, как к красивым коням, павлинам или сорокам, но и как бы с уважением.

Она произнесла с холодком:

– Не знаю, почему вы мне это говорите.

– Дык я ж дурак, – воскликнул я бодро, – во всяком случае, в вашей интерпретации. А вы не красавица, как на мой взгляд искушаемого знатока и ценителя с линейкой в молистых руках труженика и принца-строителя флота. Нет, вообще, строителя, так значимей! Можно с прописной. Даже лучше! Тот, кто уверяет вас в обратном, просто брешет в надежде на пряник в виде благосклонного взгляда... или прочих благосклонностей, кто знает нравы имперских дочерей...

– Императорских, – поправила она спесиво.

– Да хоть кайзеровских, – ответил я гордо с видом удельного горного князька, который в своих соплеменных никого не боится и поплевывает сверху. – Так что можете успокоиться! Мне от вас ничего не надо, и нравиться я вам не собираюсь и не стараюсь.

– Еще как не стараетесь, – сказала она ядовито.

– А это значит, – заметил я, – можете не опасаться моих поползновений на вашу... эту, как ее... ага, женскую честь!

Она поправила с достоинством:

– Девичью.

– Девичью? – перепросил я и с подчеркнутым недоумением смерил ее взглядом. – Это же сколько же вам лет... С виду вы вроде бы, гм... Ах да, у женщин многое не спрашиваем, оберегаемся... Так что, принцесса...

– Аскланделла, – напомнила она.

– Это значит, – перепросил я, – можно по имени? Тогда в качестве громадного жеста любезности взад, я – Ричард.

– Принцесса Аскланделла Франкхаузнер, – уточнила она высокомерно. – Мое Императорское Высочество!

– А-а-а, – сказал я с подчеркнутым разочарованием. – Ну тогда я принц Ричард Загребущие Руки. Ладно, насчет конечностей опустим, достаточно и принца Ричарда. Остальные титулы можно тоже оставить, я скромный до бесстыдства.

– Предельно скромный, – подчеркнула она. – До невозможности.

Я смотрел на нее, гордо выпрямившуюся и предельно высокомерную, не желающую уступать ни в чем, как же, дочь императора, ничем ее не смутить, разве что предложу вот прямо сейчас показать ей пенис... но она, зараза надменная, может и тут не отступить, а сказать: «Показывай!» – и тогда

даже не знаю, хватит ли у меня нахальства сделать следующий шаг, женщины, уж если упрутся...

– Ваше высочество, – произнес я церемонно и, поклонившись, сделал шаг назад, утешая себя тем, что великие полководцы отступают заранее, не давая вовлечь себя в опасные ситуации. – Желаю вам... отдохнуть. Обед сейчас принесут. Вас кормят с ложечки?

Она не пошевелилась, женщины такого ранга не отвечают на поклоны; лицо неподвижное и величественное, на мое двусмысленное пожелание тоже не ответила, дочери императора все позволительно даже по этикету.

Мне показалось, что в ее холодном взгляде таится насмешка триумфа победительницы, но, вообще-то, хрен разберешь, что в глазах женщины.

Снаружи яркое солнце, мужские голоса, запах горелого дерева, покрытые пеплом костры с редкими углями и множество людей у шатров и палаток.

Зигфрид молча указал взглядом своему напарнику на пол, Скарлет кивнула и сразу же проскользнула вовнутрь.

Альбрехт беседует с сэром Норбертом, а когда я появился из шатра, оба поспешили ко мне с озабоченными лицами.

– Ваше высочество?

– Где черновик? – спросил я злым шепотом.

– Вчерне готов, – сказал Альбрехт поспешно.

– Давайте!

– Так вчерне же, – ответил Альбрехт опасливо, – мы же

только вычекали формулировки, как вы предпочитаете, когда появилась принцесса... Но все в голове, все ваши чеканные определения, щемящие слова, полные гневного отпора и пламенного призыва...

Я спросил с подозрением:

– Вы о чем? Ладно, пойдемте в чей-нибудь шатер, а то меня из моего, как зайчика из норки, деликатно выперли пинком в область копчика... Бумагу нужно составить немедленно и тут же передать в любые воинские части Мунтвига!

– Все сделаем, – заверил Альбрехт, – только дышите глубоко, думайте о прекрасном... эльфы для вас еще как?.. или уже на зеленое тянет?..

Норберт сказал вполголоса:

– Его высочество – человек с размахом, он наверняка уже о рыбах подумывает.

Принц Сандорин, завидя нас издали, ринулся навстречу.

– Ваше высочество?

Норберт сказал мне вполголоса:

– У него просторно.

– Мы к вам в гости, принц!.. – заявил я светло. – Нет-нет, вина не надо, никакого пира!.. Но чернильница и бумага не помешают.

Сандорин вскрикнул в удивлении:

– Разумеется, есть! Я же грамотный...

Он поспешил вперед и распахнул в стороны вход в шатер, роскошный до безобразия, внутри все в золотистом шелке,

масса золотых украшений, в углу скрещенные церемониальные копыя, тоже в золоте, но, к счастью, посреди не роскошная кровать, а все-таки стол, прекрасный рабочий стол с чернильницей, стопкой гусиных перьев и двумя листами бумаги.

Правда, ложе все-таки роскошное, но сдвинуто к стенке, дескать, принц – воин-крестоносец, а не сластолюбец, смотрите и запоминайте.

– Ваше высочество, – воскликнул Сандорин с энтузиазмом, – чем могу?

Я кивнул и молча сел на стол. Память сразу же выдала придуманное утром начало: «Ваше императорское Величество, при всем желании не могу принять этот бесценный, без всякого сомнения, дар, ибо это у пчел можем красть мед и не чувствовать стыда, но незаконно присвоить женщину, принадлежащую другому, это нечестно...»

Альбрехт, опасаясь, что забыл, подсказал:

– Вы зачеркнули «нечестно» и написали «не по-христиански и не по-мужски», а дальше увязли в болоте умничанья ваших советников. Потому никого не слушайте, дорогой сюзерен.

– Когда дело касается женщины, – буркнул Норберт, – нельзя слушать даже себя.

Сандорин смотрел ошалело.

– Что? Снова стараетесь избавиться от принцессы Аскланделлы?

– А вы против? – спросил я свирепо. – А как же Лиутгарда?

Он поперхнулся, проямлил жалко:

– Ну... дело ж в этикете...

– Вот и помогайте, – рыкнул я, – составить письмо со всеми учтивостями этикета, но твердое, как слово сэра Растера, и гибкое, как совесть нашего графа Альбрехта!..

Через полчаса из шатра Сандорина почти выбежал сэр Норберт со свитком в руке, опоясанным красными шелковыми шнурами и в багровых сургучных печатях.

Я вышел следом и успел увидеть, как лихо взметнулся в седло один из самых быстрых гонцов, сухо простучала дробь копыт, и вскоре оба с конем исчезли из виду.

Альбрехт оглянулся, прислушался.

– Ого, нас догоняет обоз?.. Здесь привал?

– Никаких привалов, – отрезал я. – Нам еще трое суток двигаться на восток к границам Пекланда, где и остановимся на недельный отдых! Никаких отклонений от плана, ясно? Постоянство внушает людям уверенность.

– Гм, почти верно...

– И никаких приключений по дороге, – сказал я наставительно. – Все они – от дурости, несообразительности и непредусмотрительности!.. Все приключения от «приключилось», а хорошее не приключается, дорогой сэр Альбрехт. Потому вперед и с песней!

Он улыбнулся с едва заметной насмешкой.

– Это мы умеем. Вперед и с песней. Да еще если выпить...

Глава 2

Земля отзывается тревожным гулом от топота тысяч и тысяч конских копыт, а от ударов сапог на двойной подошве дрожит и недовольно стонет.

В слабом рассвете стальные доспехи блестят пугающе незнакомо, словно на берег выбралась из моря масса чудовищ в прочном хитине с головы до ног, с которого еще бежит вода.

Кони, укрытые кольчугами до середины бедер, где всего три отверстия: для репицы хвоста и для глаз, кажутся чем-то хищным, а за конницей бредут пехотные части, все с белых плащах с красными крестами на груди. На этот раз над головами нет леса копий с блестящими жалами, я распорядился везти их отдельно на повозках, выделенных специально для этой цели.

Таким образом, копейщики налегке проходят в сутки на милю больше, а привалы для отдыха можно делать короче.

Идут всё так же по шестеро в ряд, плотно, почти касаясь друг друга локтями, а со стороны вообще выглядят стальной рекой. С утра все мрачные, но за спиной на востоке уже покраснело небо, защебетали птицы, и вот-вот кто-то из самых голосистых и молодых воинов запоет походную песню, под которую сердце стучит часто и радостно, а ноги словно сами убыстряют шаг.

Местные о приближении нашей армии узнают не раньше, чем мы оказывались рядом, потом в панике бегут в леса, бросая все нажитое, но самые отважные остаются и не прогадывают: мирное население я велел не трогать, разве что забирать для нужд армии запасы зерна, которые те не успели спрятать или увезти.

Но дальше деревни и села тянутся абсолютно пустые, даже собак увели, а в мелких городах остались только священники. Усадьбы лордов обезлюдели, из леса иной раз доносится тоскливое мычание коровы или собачий лай.

Норберт часто исчезает далеко впереди. Его конники идут небольшими отрядами, к тому же выпускают еще и разьезды по три человека, а он старается везде побывать и за всем уследить, благо самые быстрые кони у него и его людей.

Я видел, как он пронесся вдаль, похожий на низко летящего над озером стрижа, потом резко свернул в мою сторону, а я с удовольствием смотрел, как они с конем быстро укрупняются и растут в размерах.

Он понял мой взгляд, сказал со сдержанной гордостью:

– Мчаться на хорошем коне – все равно что мчаться по небу.

Я оглянулся на мелькающего далеко в кустарнике леса Бобика, понизил голос до шепота:

– Собаки наши лучшие друзья, но пишут историю кони.

Он улыбнулся, поняв.

– Коня дают нам крылья, которых у нас нет... Ваше высо-

чество, разведчики нашли идеальное место для ночного отдыха.

– Отлично, – сказал я. – Пусть указывают дорогу, если это не слишком в сторону.

– Почти прямо, – заверил он. – Только на полмили дальше. Прибудем затемно.

– Дольше поспят, – решил я. – А что вон там за туча? Слишком она какая-то... необычная.

Он проследил за моим взглядом, посерьезнел, лицо стало строже.

– Думаю, ваше высочество, то место стоит обойти стороной.

– Да что там?

– В той стороне монастырь, – ответил он, – куда, если верить слухам, ушел император Карл замаливать грехи.

Я нахмурился, враз захотелось помчаться туда, вытащить бывшего императора и предать лютой смерти, такой вот из меня милосердец, но взял чувства в кулак и сжал посильнее.

Кони наши идут быстро, из-за невысоких холмов поднялись башни монастыря, туча стала видна во всех подробностях: огромная и темная, в ней сверкают белые злые молнии, а на землю обрушиваются тяжелые удары грома.

Норберт сказал со скупой усмешкой:

– Крестьяне, что живут в деревнях вокруг монастыря, истолковывают по-разному, но все равно каждый уверяет, что за душу такого великого грешника идет ожесточенная борь-

ба. Дескать, дьявол прислал своих из ада, чтоб утащить в преисподнюю, а светлые силы отстаивают, мол, человек покаялся, замаливает грехи.

– А сами крестьяне, – спросил я с интересом, – не хотят разгромить монастырь и вытащить оттуда Карла?

Он покачал головой.

– Говорят, благодаря молитвам такого великого грешника у них скот начал давать двойной приплод! Саранча вовсе исчезла... а как там дальше пойдет, будет видно. Старые люди говорят, что иногда верх одерживают светлые, иногда – темные. Если победят светлые, грешник останется в монастыре, если темные – то сразу заберут с собой, они не больно церемонятся.

Я выслушал, кивнул.

– Как и мы. Вообще, похоже на схватку адвокатов с прокурорами. Одни доказывают вину и настаивают на тяжелом наказании, а другие приводят доводы в защиту.

Он спросил с интересом:

– Ваше высочество, а вы за кого?

Я коротко взглянул на небо.

– Знаете ли, барон, лучше такие вопросы не задавать.

– Почему?

Я посмотрел на него зверем.

– Не прикидывайтесь овечкой, сэр Норберт. На некоторые вопросы отвечать трудно, потому что надо выбирать между «мне так хочется» или «я так считаю» и менее приятным

«так надо».

Он вскинул брови.

– Все равно не понял. Вы мне на пальцах, ваше высочество. Для доступности.

– Что вам все еще непонятно?

– Непонятно, – спросил он голосом кроткой овечки, – хочется вам как?

Я огрызнулся:

– Сами знаете, как мне хочется. Как всем нам хочется!.. Мы же люди, недавние питекантропы!

– Ваше высочество, – спросил он испуганным шепотом, – а это кто?

Я буркнул:

– У отца Геллерия могли бы спросить, ленивец. Это та живая и разумная глина, что жила, охотилась и размножалась, пока Господь не вдохнул в нее душу.

Он пригнул голову, будто Господь вот-вот погладит его молотом между ушей, спросил еще тише:

– А разве Господь не в тот же день вдохнул душу... ну, как лепил из глины?

– Конечно, – ответил я высокомерно, – в тот! Но что для нас тысяча лет – для Господа меньше одной доли секунды!.. Думаете, он сотворил мир за семь наших дней? Ну вы и наглец...

– Ваше высочество!

– А кто вы есть, барон, если возомнили, что Господь дол-

жен мерить свое божественное время презренными земными сутками?.. Ага, поняли?.. В общем, Господь сотворил Адама, а через пару минут, полюбовавшись на творение своих рук, вдохнул в него душу. Но Адам за это время успел наплодить тысячи таких же неотесанных, что разошлись по свету.

Он пробормотал в затруднении:

– Но... как? Евы тогда еще...

Я вздохнул.

– Дикий вы человек, барон. Господь Еву создал из ребра Адама потому, что все остальные попытки сделать женщину из глины... и не только из глины, проваливались. Поэтому и не засчитывались. А вы что, всех женщин помните, что обрюхатили за время нашего похода?

Он сказал с сомнением:

– Да почти всех... а вот за прошлые... гм...

– Вот-вот, – сказал я с укором, – тоже неандертальцев наплодили! А то и питекантропов.

Он в задумчивости посмотрел на монастырь, над которым продолжает грохотать небесная буря, а слепящие молнии разрывают тучи в лохматые клочья.

– Думаете, черти его все-таки заберут?

Я пожал плечами.

– Я только «за», но смутно начинаю постигать, что над справедливостью есть еще и так называемое милосердие. И хотя оно мне все еще противно... ну не понимаю, не понимаю, почему оно должно быть выше!.. но верю, что смысл

в нем какой-то есть... даже высокий смысл. Потому обойдем этот монастырь стороной, не тревожа его обитателей.

Он кивнул, сказал с сочувствием:

– Ваше слово, ваше высочество, и ни одна нога не ступит к стенам монастыря ближе, чем на полет стрелы. Хотя понимаю, как вам жаждется вытащить это чудовище на свет божий и повесить на дереве так низко, чтобы он чуточку касался земли кончиками ног!

Я сказал люто:

– Что? Так мало? Да я в мечтах тысячу раз сажал на кол!.. Сдирал с живого кожу по дюйму в день!.. У меня с ним старые счета еще с Зорра!.. Он виноват не только в гибели сотен тысяч ни в чем не повинных людей... да хрен с ними, а в смерти двух-трех лично мне знакомых, которых глубоко уважал.

– И все же?

Я тронул Зайчика и молча послал по дороге, оставив монастырь слева, и больше не смотрел в его сторону. Над головой некоторое время еще грохотало, земля иногда вздрагивает, затем впереди мир озарился ярким солнечным огнем, и сталь доспехов в колонне рыцарей засияла радостно и победно.

Господь и сам иногда что-то делает, мелькнула мысль, а не только все сложил на таких вот еще сопливеньких. Его решение, конечно, красиво и весьма изящно, да только вот не стало Карла – появился Мунтвиг.

И надо искать решения, красивые или нет – неважно, но такие, чтобы карлы и мунтвиги не появлялись вообще.

В свое время Альфонс Мудрый, король Кастилии, пытаясь понять астрономическую систему Птолемея, сказал со вздохом, что, случись ему присутствовать при сотворении мира, он бы дал Господу кое-какие советы по части лучшего устройства мироздания.

Мироздание – хрен с ним, все эти горы, моря и океаны меня не волнуют, зато много чего насоветовал бы по части лучшего устройства общества. Увы, уже понимаю, что как человек в утробе матери проходит через все стадии жизни, от амебы к червяку, рыбе с жабрами и ящерице, так и общество должно расти, как человек, усложняться, уметь и созревать для следующей ступени, а не так, чтобы из младших классов школы сразу к диплому или ученой степени.

Но ладно, если нельзя само общество тянуть за уши, то можно – науку и технику. Пока это только простая механика, понятная и Архимеду, но если ее достижения внедрить повсеместно, то мир изменится кардинально...

Слева в мою сторону несутся двое всадников, впереди Бобик, а то как же без него, один закричал издали, спеша опередить товарища:

– Ваше высочество!.. Пополнение!

– Кто? – спросил я.

Они осадили коней рядом, второй всадник сердито блынул глазами на первого.

– Ваше высочество, – произнес он почтительно, – к нашему войску присоединились два больших отряда ирамских лордов! Это впервые за весь Ирам.

– Состав? – спросил я.

– Кроме четырехсот рыцарей, – доложил он, – с ними пять тысяч тяжелых панцирных всадников, а также обученные копейщики и лучники.

Меня догнал Норберт, прислушался, кивнул с довольным видом.

– Уступают нашим, – заметил он, – однако на безрыбье и рак рыба. Как только перейдем границу с Пекландом, вот там и разгуляются!

– На границе с Пекландом большой привал, – напомнил я. – Местные наверняка поспешат нам навстречу. Кто с изъявлениями дружбы и даже покорности, а кто-то заявит, что согнет нас в бараний рог и вообще сотрет в порошок, если посмеет ступить на их земли и топтать их кур.

Норберт кивком указал разведчикам, что свободны, возвращайтесь к своим обязанностям; те сразу развернули коней и умчались, а Бобик некоторое время бежал с ними, потом вернулся и смотрел искательно: давай что-нить натворим?

– Это уж точно, – согласился Норберт. – Бароны почти все такие. Но, думаю, это не слишком повлияет?

– Надеюсь, – ответил я. – Нравятся мне эти самоуверенные дураки. Сразу себя таким умным рядом с ними чувству-

ешь!

Он покосился на меня с некоторым подозрением во взоре, но я смотрю вперед чисто и открыто, сам вроде самоуверенного дурака, решившего осчастливить мир, хотя не в состоянии осчастливить себя самого.

– Из Пекланда, – поинтересовался он, – в Сакрант или в королевство Эбберт?

– Надо подумать, – пробормотал я. – Сакрант на северных границах Пекланда, а Эбберт – на южных... Вообще-то, нам в Сакрант, там резиденция Мунтвига в столице Генгаузгуз...

– Но вам жаждет отомстить королю Харбиндеру, – продолжил он, когда я запнулся. – Вполне понятное чувство, ваше высочество, но можно ли простыми желаниями руководствоваться в таких великих делах?

Я покачал головой.

– Нельзя, вы правы, дорогой друг... Однако здесь целый клубок возможностей, нужно только выбрать правильно.

– Ваше высочество?

– Отомстить Харбиндеру, – сказал я, – можно под знаменем общей защиты высших христианских ценностей. Дескать, я наказываю короля и его народ, что гнали нас через всю страну, не давая ни крошки хлеба, ни глотка воды!... Это бесчеловечно, это противно всем божеским законам. Если это правильно подать, то еще и выиграем на своей жестокости, что будет воспринята, как необходимая кара, а мы – как орудие божественной воли... Вон как судьба Содома и Го-

морры, вроде бы и жестоко, все-таки погибли не только содомиты, но и их жены, и дети, но... народ считает, что Господь поступил верно?

Он помолчал, посмотрел на меня несколько странно, после паузы сказал:

– Тогда проиграем с Сакрантом.

– Почему?

– Пока будем драться с Харбиндером, Сакрант подготовится к обороне.

Я ответил со вздохом:

– Столицы всегда защищены хорошо. Как стенами, так и войсками. А весть о нашем приближении уже долетела к сакрантцам. Как бы ни двигались мы быстро, гонцы скачут быстрее, чем наши волы тащат обоз.

– Тогда...

Я понизил голос:

– Если повернем на Эбберт и начнем долгую войну с королем Харбиндером, в Сакранте несколько успокоятся.

Он подумал, кивнул.

– Понимаю. Но... в чем наша выгода?

– Эбберт, – сказал я, – Эббертом, но главная наша цель – Сакрант. А в Сакранте – Генхаузгуз.

Он сказал медленно:

– Если захватить столицу, удельные лорды Сакранта поднимут головы? И объявят свои владения самостоятельными?

Я зло ухмыльнулся.

– А когда было иначе?

Он поинтересовался с беспокойством:

– Но нам же такое на руку?

– В данном случае, – ответил я мрачно.

– Ваше высочество?

Я покачал головой.

– Прости, мне трудно думать о Мунтвиге и его непокорных лордах, если уже летом Багряная Звезда всю поверхность Земли превратит в потоки кипящей лавы!

Он вздохнул и замолчал.

Глава 3

Днем редко удастся ускользнуть от телохранителей и обязательной свиты, зато ночью случается поптеродактелить всласть, хотя, конечно, не злоупотребляю. Только разведка, только вид с высоты, поиск вражеских армий, плюс уточнения для карты: вот там проход в горной цепи, вот там слишком широкие и точно непроходимые ущелья, а вон та дорога, по которой идем, почему-то упирается в обширное болото, откуда только и взялось, и почему без моего ведома...

Сегодня ухитрился умчаться на Зайчике в сопровождении Бобика днем, их спрятал в овражке, а сам взлетел и жадно направился в сторону Пекланда, осматривая его, как орел, и запоминая, где что расположено.

Само по себе королевство гористое, а это значит, множество независимых от короля кланов, баронств, графств, и вообще владений, лорды которых забрались достаточно высоко в горы и контролируют единственную к ним дорогу от любого захватчика, будь это собственный король или чужеземные войска.

Ирам в плане дорог тоже не подарок, мы и там проходили по узким ущельям и преодолели вброд сотни мелких рек, топали по берегам больших озер, удивительно чистых и прекрасных, пробирались через болота, если мне удавалось рассмотреть участки, где рациональнее замостить срубленными

деревьями, чем обходить огромные пространства.

Примерно то же самое и в Пекланде, да и почему должно быть иное, даже люди те же, точно так же прячутся, а воинственные бароны заперлись в своих горных замках и объявили, что будут драться до последнего.

Норберт посмеивался, очень они нам нужны, это же прекрасно, что все убираются с дороги, как только видят, что у нас не отряд, не войско, пусть даже большое, а целая армия.

За ночь земля ощутимо подмерзает, утром зеленая трава блестит не от росы, а от инея, что вскоре истаивает, но воздух остается сухим и холодным. Колеса, правда, все так же увязают в грязи, но скоро грянут настоящие морозы, а здесь они суровее, чем у Большого Хребта. Тем более на той его стороне.

В Пекланд вступили без боев, и так же без них удалось миновать почти треть королевства. Это еще и потому, что я сам всячески избегал проходить вблизи крупных городов, но вскоре Норберт доложил, что в неделе пути нам дорогу загроживает большая армия.

– А обойти?

Он покачал головой.

– Там практически одна дорога. Справа и слева горы, и так почти сотню миль.

– Пекландцы?

Он снова покачал головой.

– Разведка сообщила: вооружение обычное для армии

Мунтвига... С другой стороны, откуда у пекландцев что-то особое?

– Значит, – сказал я, – ядро армии шло нам навстречу из Сакранта...

– Или из краев, – согласился он, – что за Сакрантом. Конечно, пекландские войска тоже здесь все. Во всяком случае, королевские.

– Это не слишком много, – заметил я, – если бароны решились воздержаться.

– Кто-то воздержался, – ответил он осторожно, – кто-то нет... Но сражение нам предстоит серьезное.

– Мы успеем подготовиться, – ответил я твердо, хотя сердце тревожно застучало. – Чуть притормозим, чтобы подтянулась пехота Макса. Обоз, надеюсь, мунтвиговцы оставят себе на сладкое.

Он кивнул, придержал коня, давая мне возможность остаться с государственными мыслями, но на его месте тотчас же очутился Зигфрид, за ним держится его немногословный оруженосец Скарлет.

Я посмотрел на нее, спросил у Зигфрида:

– Слушай, а как принцесса?..

– Аскланделла? – спросил он.

Я поморщился.

– Слава богу, у нас только одна.

Он торжествующе улыбнулся.

– Есть еще Лиутгарда!

– То свой человек, – отрезал я. – А эта... как она обходится без тысячи фрейлин и служанок?

Его улыбка перешла в ухмылку.

– Плохо вы знаете принцесский быт, ваше высочество!.. Их с колыбели учат, как не уронить себя в глазах всех прочих. В том числе обучают простейшей магии, чтоб в случае необходимости обходиться без слуг вообще. У них фрейлины больше для важности.

Я спросил недоверчиво:

– И что, в самом деле обходятся?

Он ответил снисходительно:

– Нет, конечно. Я ж сказал, в случае необходимости.

– Ну слава богу, – сказал я с облегчением. – Камень с души. Не люблю мучить животных. У нас эта необходимость будет постоянно.

Он ответил мирно:

– Она это знает.

– И не ворчит? – спросил я. – Ах да, она не унижится до таких примитивных изъятий... Говорят же, притворяйся вежливым – и привыкнешь.

Ночью на привале, как мне показалось, пришла было Санегерийя, но налетел огненный ураган, завывала буря, с неба грозно и страшно сверкали исполинские молнии, каждая ветвистая, как дерево со светящимися корнями, и огромная, как материк.

Я сжимался в комок от первобытного ужаса, вздрагивал и чувствовал, как эти горы валятся на меня, сейчас раздавят и расплющат, как мелкую букашку, вот-вот в мою нежную незащищенную плоть вопьются острые грани скального массива, и задерживал инстинктивно дыхание, будто вот так сумею противостоять давлению.

Проснулся, дрожа и вздрагивая, с шумом выдохнул воздух и торопливо набрал в грудь чистый, оказывается, и в самом деле задерживал дыхание, потому и проснулся.

По стенкам шатра пробегает быстрая дрожь, слышится посвист ветра, а в далекой высоте погромыхивает, хоть и не так ужасающе, как во сне, раскатистый гром, что значит: гроза вообще-то проходит стороной.

Я натянул одеяло и тут только ощутил, что сплю голым. И хотя это моя давняя привычка, но от нее пришлось избавиться ввиду постоянных сквозняков в замках и даже королевских дворцах, резких перепадов температуры из-за слабого отопления каминами, так что ложился спать в доспехе Нимврода, он из кольчуги превращался в рубашку из толстой мягкой материи...

Первым движением было вскочить, одеться и забраться под одеяло, но страшноватая мысль, что кто-то вот так ночью вошел и раздел меня, показав свое могущество, заставила скрутиться в позу эмбриона и снова задержать дыхание.

Утром я так и не отыскал доспех. Подозрение, что некто все-таки явился и украл, росло, крепло, наконец преврати-

лось в несокрушимую уверенность.

Наши маги, что двигаются с армией, на такое не решатся: я для них единственный защитник в этом злом мире, каждый из них готов отдать свою рубашку, только бы мне было комфортно, так что, это кто-то пришел новый и очень сильный...

Военачальники начали подходить с утра, с каждым часом приближаемся к загородившей дорогу армии Мунтвига, у всех свои оригинальные предложения насчет того, чтобы выхватить из ножен мечи и ринуться на врага с безумной отвагой.

Я выслушивал вежливо, люди все самолюбивые, дураками никого не стоит называть в лоб, а только иносказательно. Последним был принц Сандорин, с ним проблем больше всего, рвется в бой, но оберегать его приходится особенно: единственный наследник короля Вендовера Буркхарта Третьего, случись с ним что, династия Буркхартов прервется...

– Принц, – сказал я державно веско, – вы постоянно рветесь в бой, но я постоянно мешаю вам проявить свою безумную отвагу и безрассудное мужество...

Он выпрямился, сказал с надеждой:

– Ваше высочество?

– Даю вам под начало пять тысяч панцирной конницы, – сказал я, – это, конечно, не сравнимо со всей армией королевства Вендовер, которую пришлось оставить защищать границы Юга, однако побольше, чем отряд ваших телохра-

нителей.

Он воскликнул воспламененно:

– Ваше высочество! Все, что угодно! Только прикажите!

– Вот и приказываю, – ответил я, – смотрите на карту. Вот здесь вы отважно вступите в бой, затем дрогнете и отступите...

Он вздрогнул, щеки побледнели.

– Отступим?

– Не просто отступите, – пояснил я, – а броситесь в бегство.

Он побледнел уже смертельно, выпрямился, как туго натянутая струна, задрожал всем телом и вскрикнул прерывающимся голосом:

– Мы потеряем лицо!

– Подберете на обратном пути, – оборвал я. – Когда проскачете с милю, мы ударим с фланга. Тогда можете прекратить... гм... запланированное отступление и перейти в контратаку.

Он смотрел на меня отчаянными глазами.

– Ваше высочество... Род Буркхартов никогда ни на шаг не отступал на поле боя!..

– Нам нужно выиграть войну, – сказал я, – но мы не обязывались выигрывать каждую мелкую схватку. В бою применимы любые приемы, в том числе и обманные.

– Но...

– А это прием для целых армий, – отрезал я. – Выпол-

няйте, принц, иначе я усомнюсь в ваших качествах будущего короля, который должен быть уметь гибким, и поставлю другого военачальника. Я не должен уговаривать, вы еще не поняли? Вы сейчас не принц, управляющий своей личной дружиной, а мой военачальник, которому временно доверено командовать третьим корпусом тяжелой конницы!.. Но вы можете отказаться.

Он откинул голову, мне показалось, что даже сейчас до него не совсем дошла новая и простая истина, все-таки эти лорды по происхождению слишком уж уверовали в свое право единолично распоряжаться, а уж принцы так и вовсе, пусть даже я передал под его управление совсем не вендоверцев.

– Ваше высочество, – проговорил он мертвым голосом. – Я все исполню. С тяжелым сердцем, но исполню в точности.

– Спасибо, принц, – сказал я искренне. – Поверьте... в данном случае ваш отец, великий Буркхарт Третий, сказал бы, что я прав.

Он хмуро усмехнулся.

– Не сомневаюсь. Потому я и желаю батюшке долгих лет жизни, чтобы оставаться... всего лишь принцем.

– Вы не поверите, – произнес я негромко, – но мне тоже очень хотелось бы, даже жаждалось вот прямо щас, кому-то пожелать долгих лет, чтобы вот так тоже...

Он взглянул как-то странно, помедлил, затем во взгляде я впервые увидел сочувствие.

– Не получится, ваше высочество.

Он не добавил, но я прочел в его глазах, дескать, это плохо для вас, но хорошо для всех нас, так что тяните воз, ваше высочество, мы туда сложили все наши вещи, а сейчас вот еще и сами сядем.

А не дурак, мелькнуло в голове удивленное, хоть и принц. Впрочем, отец натаскивает править королевством, так что уже сейчас должен знать и уметь больше других.

Противник дожидается нас в самом удобном для себя месте, я такое уже встречал, когда дорога идет по узкой долине между вытянутых гор, и войско затыкает собой горловину, встречая врага с защищенными флангами и лагерем с обозом за спиной.

Макс со своим войском уже подтянулся, но вперед я его пока не выдвигал, там гарцуют конники Норберта, создавая видимость, что у нас все такие вот легкие и без тяжелых доспехов, а которые в хороших панцирях – это все богатые лорды.

Мунтвиговцы некоторое время ждали атаки, но я не начинал, наконец они в нетерпении выдвинули вперед три тысячи лучников, что понятно – при таком обилии стрелковой мощи всегда есть соблазн тучей стрел расстроить наши ряды.

Это правильно и оправданно, там явно грамотный военачальник, любой другой бы привычно и стандартно повел в атаку рыцарскую конницу.

Этот молодец, лучники тучей стрел внесут смятение, а тяжелая конница мощным ударом завершит разгром. Они уже выстроились за лучниками в полном боевом порядке, грозные ряды могучих рыцарей, закованных в такую же броню, как и их кони. На щитах и доспехах победно горят изображения львов, тигров, медведей, вепрей, орлов, драконов, саламандр и еще чего-то грозного и даже страшного.

Альбрехт проговорил рядом сдержанно:

– Я уважаю достойных и талантливых полководцев, но почему это с каждым годом все больше предпочитаю глупых противников? Разве с возрастом человек не умнеет?

– Умнеет, – подтвердил я.

– Точно?

– Абсолютно, – согласился я. – Я вот в десять лет был точно умнее себя пятилетнего. А сегодня умнее вчерашнего!

– В случае же, – договорил он, – если нам удалось бы устоять перед градом стрел, и мы сами перешли бы в наступление, их лучники успеют отступить под защиту тяжелой конницы...

– Потому, – сказал я, – нам и нужно сохранять тайну наших дальнобойных луков.

– И тяжелых стрел.

– Да, и тяжелых стрел, – согласился я. – Пусть они не пробивают панцири, однако где у мунтвиговцев хорошие доспехи? А кожаные латы проткнут, как гнилую холстину.

Наша конница выстроилась широкой цепью для атаки, а

из-за их спин начали выходить лучники, такие неприметные среди огромных рыцарских коней и внушительные впереди, так как для стрелков композитных луков требуется добавочная сила, что обычно связана и с ростом.

Макс выехал вперед на прекрасном белом коне, тот призывно ржал, предчувствуя свирепый бой, приседал на всех четырех, как дикий барс, готовый к прыжку.

Сам Макс весь с головы и до пят в блестящих доспехах дивной вестготской выделки, молодой и красивый, такие обычно оказываются редкостными дураками, он и не старался выглядеть мудрым, зато тщательно промерял взглядом расстояние до лучников противника, а своих выпускал и выпускал, но в какой-то момент крикнул:

– Стой!.. Дальше ни шагу!

Альбрехт пробормотал:

– Хороший глазомер у парня. Дальше, да, опасно. Те могут достать стрелами.

– У вас, граф, – сказал я, – тоже глазомер?.. Давайте просто понаблюдаем. У нас все дебюты записаны, неразбериха начинается в миттельшпиле.

Он посмотрел на меня искоса.

– Слова-то какие непонятные. Образованность показываете?

– Люблю повыпендриваться, – сказал я нервно. – Смотрите!

Макс, выждав, когда все лучники выйдут на позицию,

взмахнул рукой. Те разом вскинули руки, с силой натянули тетивы, даже я услышал скрип сгибаемого дерева.

Лучники противника наблюдают с вялым интересом, посмеиваются, что и понятно, ни одна стрела не долетит, что за дураки...

– Начали! – крикнул Макс страшным и веселым голосом.

Глава 4

Стрелки разом выпустили тучу стрел. Та взвилась так плотно, что небо посерело и показалось каким-то трепещуще нереальным. И даже теперь лучники противника не встревожились: кто-то глазел на эти стрелы, кто-то глумливо хихикал над дураками, что вот так напрасно...

Стрелы, описав дугу, обрушились на противника. Там поднялся крик; люди падали, не просто пораженные стрелами, многие были сразу убиты, но еще никто не пытался броситься в сторону, а Макс снова взмахнул рукой.

Теперь его лучники стреляли как можно чаще, пока противник не опомнился и не разбежался. Тяжелые длинные стрелы убивают наповал, если попадают в головы, остальные ранят тяжело.

Поле начало покрываться телами павших. В рядах их конницы затрубил рог. Я видел, как там один привстал на стреленах и прокричал команду, а во вскинутой руке заблестел обнаженный меч.

Вся масса колыхнулась и пошла медленным шагом, затем перешла на грунь, а следом на рысь. Уцелевшие из их лучников пытались убраться из-под копыт, но разъяренные рыцари уже не смотрели на чернь, так позорно проигравшую начало битвы, и торопились реабилитировать славу своей армии.

Земля загудела под тяжестью копыт. Я даже услышал, как

ветер шелестит полотнищами знамен, а тысячи голосов красиво и торжественно запели псалом «Дева Мария, радуйся».

Я с тревогой оглядывался на группу блестящих рыцарей, во главе которых принц Сандорин, а за их спинами пятитысячная конница.

Альбрехт оглянулся тоже.

– Страшновато?

Я огрызнулся:

– А вам?

– Выдержит, – сказал он, но без особой уверенности. – Раньше бы, не знаю, но когда принц увидел, как блестяще Макс убрал весь отряд лучников...

– Я в самом деле, – сказал я, – дал принцу слишком трудное задание. Трудно заставить себя бежать, имея такую силу! Я сам бы на месте принца возражал...

– Нет, – сказал Альбрехт, – нет...

Принц выхватил меч, вскинул над головой. Я услышал его вопль, но не понял, то ли за Вендовер, то ли за Лиутгарду, у нас всегда борьба личного с общественным, и вся масса конницы устремилась навстречу противнику.

Они сшиблись почти с равной скоростью, нет, мунтвиговцы разогнались шибче, однако бой долгое время шел на равных. Я начал беспокоиться, наконец увидел взмах руки Сандорина, он первым повернул коня и начал выбираться из гущи схватки.

За ним пошли его военачальники, а следом двинулись и

остальные рыцари, хотя я и на таком расстоянии видел их злые и расстроенные лица.

Конница противника с громкими победными криками начала преследование. Принц поспешно уводил свое войско из-под удара, однако рыцари противника, разогнав коней, начали настигать убегающих, и когда наиболее отставшие пали, пораженные в спину, дикая радость охватила мунтвиговцев: нет слаще зрелища, когда враг убегает, а его рубишь и рубишь вдогонку, устилая трупами землю!

Я сцепил челюсти и ждал, затаив дыхание. Сандорин кричит на скаку и раздает команды, я все страшился, что вдруг решится нарушить приказ и повернет рыцарей в бой, однако он всего лишь велел рассредоточиться...

Мунтвиговцы все набирали скорость, как вдруг на месте промчавшейся мимо конницы отступающих поднялись пешие воины, разом уперли длинные толстые копья тупыми концами в землю, а острия направили в сторону скачущего на них противника.

Второй, третий и четвертый ряды успели встать следом и выставить копья, когда лавина мунтвиговской конницы обрушилась на копейщиков. Первый ряд оказался смят, хотя рыцарской коннице это обошлось очень дорого, но копейщиков встало уже десять рядов в глубину, а кони ржали дико, поднимались на дыбы и сбрасывали всадников.

Наступило замешательство, а из-за стены копейщиков поднялись арбалетчики в одинаковых кожаных латах и хлад-

нокровно всаживали стальные болты, что с такого расстояния пробивают стальные панцири, словно те из тонкой ткани.

Альбрехт сказал с сожалением:

– Это уже не война, а бойня...

– Не поймешь вас, граф, – сказал я.

Зайчик уловил мое желание, пошел рысью с холма. Я крикнул весело:

– Ребята, вы знаете, что нам нужно!

Пока основные силы, как принято считать, брошены в сражение, опытные военачальники обязательно приберегают резерв для последнего решающего удара. Иногда им даже не пользуются, иногда именно он приносит победу, но сейчас этот отряд лучший из лучших находится на вершине небольшого пологого холма, откуда удобно и наблюдать за битвой, и самим бросаться в атаку, нанося удар на большой скорости.

Мы ударили со всей яростью, однако они на какой-то миг остановили нас и почти отбросили назад, там не только лучшие из лучших, но и вооружены почти как мы, выучка у них настоящая, рыцарская, копья отбросили сразу, бой шел грудь в грудь мечами и топорами.

Слева от меня двигается Зигфрид, стараясь прикрыть от каждого удара, справа могучий Сулливан, чуть дальше слышу зычный рев Клемента и вижу блеск его огромного меча.

Под их страшными ударами рыцари падают вместе с конями, на поле битвы стоит неумолчный грохот мечей и то-

поров о щиты, доспехи, шлемы. Многие рыцари валяются с коней, расставаясь с жизнью раньше, чем коснутся земли.

Уже пали в грязь знамена защищающихся, мы снесли несколько рядов рыцарей, наши кони топчут раненых и переступают через трупы; я время от времени оглядывался, пробившись вперед дальше всех, но мои герои пока все на конях, только Сулливан в крови с головы до ног, но ревет страшно и ломит противника, как могучий кабан камыши, да Клемент отбросил рукоять сломанного меча и торопливо сорвал с седельного крюка огромный боевой топор.

Они продолжают ломиться вперед, свирепые и неутомимые, и я обратил внимание на кучку богато одетых рыцарей, что горячат коней на самой вершине холма, удерживая их от понятной жажды ринуться в схватку.

Донесся крик Альбрехта:

– Не упустить!

Я понял, что он тоже обратил на них внимание, и начал прорубаться к вождям противника. Целый отряд отважно бросился защищать предводителей.

Мы с удвоенной яростью ломились на вершину холма. Я сцепил челюсти и мрачно наносил удары, уже выбрав себе цель: высокого с черной бородой и мрачным лицом, он с самым уверенным видом сидит на черном жеребце, вокруг него с десятков телохранителей, словно он сам император, лицо его показалось мне очень неприятным, однако знакомым.

Мы встретились взглядами, на его лице впервые мелькну-

ло беспокойство.

Я указал на него мечом.

– Этого гада взять!..

– Живым? – крикнул Альбрехт.

– Зачем? – заорал я. – Зарубить! Сразу!

Чернобородый подобрал повод, услышал мой крик и понял, что, да, в плен ради выкупа брать не будут, в религиозных войнах деньги – ничто, главное – вера!

Справа на холм прорубается могучий, как стадо туров, Сулливан, и чернобородый, заслышав его звериный рев, вздрогнул, повернул коня в противоположную сторону и пустил в галоп.

Я заорал злее Сулливана, даже Клемент вздрогнул и посмотрел на меня с опаской. Зайчик, ощутив, что сейчас можно больше обычного, пошел намного бодрее, опрокидывая рыцарей с конями, словно игрушечных, а я рубил остервенело направо и налево.

Рыцари противника старались держаться, сомкнули щиты и стойко принимают удары, но, несмотря на их отвагу и мужество, то один, то другой вскрикивает и падает, обливаясь кровью.

Зигфрид рубится рядом со мной остервенело, однако Зайчик продолжал ломиться вперед, и мы прошли через тройную рыцарскую цепь, как кабаны через камыши.

Я указал вслед группе всадников, что уносятся во всю мочь, настегивая коней.

– Догнать!.. Покончим с поджигателями войны!

Заслышав за спиной грозный стук копыт, они лишь пригибали головы, укрываясь за конскими гривами. За нами с Зайчиком я слышал нарастающий конский топот, у норбертовцев лучшие из лучших кони, да и у военачальников, у того же Клемента, Сулливана, Мидля и еще у десятка наиболее знатных, те самые знаменитые кони Ришара, которыми он так гордится.

Я догнал самого последнего, взмахнул мечом. Лезвие рассекло шлем вместе с головой, несчастный молча повалился на гриву своего коня. Остальные начали пугливо оглядываться, некоторые пытались уйти в сторону, но справа неприятный косогор, не всякий конь одолеет, а слева, в полете стрелы, довольно крутой берег реки, за которым поднимается каменная стена, потому все лишь отчаянно настигивали коней и кололи шпорами, даже не пытаясь метнуться в сторону.

Я рубил сперва только тех, кто пытался отмахиваться мечом или закрывался щитом, потом вошел в раж, мой меч то и дело с хрустом врубался в спины, шеи, рассекал головы вместе со шлемами.

Зверское чувство, густое и нехорошее, начало заполнять меня все сильнее, погружая в сладкую тьму глубже и глубже.

Двое, ощутив неминуемую гибель, в отчаянии развернули коней и ринулись с поднятыми мечами. Один удар я принял на щит, мечом парировал взмах другого, и в этот момент

увидел смазанное движение третьего, который с пяти шагов отпустил до предела натянутую стальную тетиву арбалета.

Среагировать я не успел, острый наконечник с силой сданул в оголенную кисть руки. Стиснув челюсти, я задержал дыхание, заранее представив, как стальной клюв пронзит руку и весь болт наполовину высунется с другой стороны, а трехгранный наконечник будет торчать с этой...

...однако стальная стрела отскочила, будто ударилась в крепостную стену. Я от изумления едва успел уклониться от клинка, с трудом опомнился, одного рыцаря достал в плечо, со вторым едва успел обменяться двумя ударами, тут же на него налетел Зигфрид и сшиб вместе с конем в пыль.

Я крикнул:

– Да ладно, не сверкай глазами!.. Все хорошо... больше не лезу...

– Мы здесь закончим сами! – заорал Зигфрид взбешенно.

– Все-все, – заверил я торопливо. – Возвращаюсь... Кстати, пленные нам ни к чему.

Зигфрид рявкнул командным голосом так, словно он сержант, а я первогодок:

– Возвращайтесь!

Он с двумя десятками воинов продолжал преследование, затем повернул коня и последовал за мной на некотором расстоянии, а я, все замечая, как в тумане, продолжал осторожно ощупывать руку в том месте, куда со страшной силой ударил болт... а я почти не ощутил боли.

По идее, мне должно было пронзить руку, после чего я, кривясь и постанывая от боли, выдернул бы покрытое моей драгоценной кровью стальное острие и поспешно залечивал бы рану.

Однако ощущение такое, что моя кожа просто не позволила. Словно обрела некие свойства.

Я украдкой оглянулся, Зигфрид в пяти шагах сзади, до поля битвы еще с четверть мили, вытащил нож, огляделся, и, задержав дыхание, не выношу крови, легонько чиркнул по пальцу.

Плотная кожа спружинила. Я надавил чуть сильнее, но острое лезвие снова не просекло кожу. Я чувствовал, как становится страшно, регенерация регенерацией, но уже режу так, что кончик пальца совсем отвалится... а вдруг не отрастет?

Наконец в самом деле резанул с таким усилием, будто старался перехватить ножом не палец, а древко стальной булав.

Лезвие, к счастью, не затупилось, однако кожа осталась неповрежденной, хотя чуть-чуть и прогибается под давлением. Правда, прогибается одинаково при слабом нажатии и при очень даже сильном...

Господи, промелькнуло в мозгу испуганное, если это то, что я думаю, то... как насчет ударов?

Пальцы дрожат, я ударил рукоятью ножа чуть-чуть, потом сильнее, сильнее и наконец так, что кровью забрызгало бы

стены и потолок, а от кончика пальца остался бы только ноготь...

...однако я чувствовал лишь прикосновение, а мягкая подушечка пальца пружинит одинаково сильно при любой силе удара. Значит, доспех Нимврода, в котором я последнее время ложился спать, на мой ночной кошмар откликнулся по-своему, уловив мою панику и жажду стать понеуязвимее.

Похоже, в ту грозовую ночь мне в самом деле снилось что-то особенно страшное. Нам всегда что-то снится, только утром помним разве что жалкие обрывки, так вот этот доспех выполнил, как смог, то, что принял за очень настойчивый приказ.

Похоже, он растекся или даже растворился в моей коже настолько незаметно, что даже я не чувствую, а уж другие тем более не увидят. Только бы не мешал коже выполнять ее основные функции: отгонять микробов, дышать, выводить всякое ненужное вместе с потом...

Навстречу несутся пятеро всадников; я принял подобающий вид и гордо выпрямился.

Принц Сандорин на полном скаку осадил коня, забрало поднято, со шлема снесен султан, на стальном наплечнике две свежие и довольно глубокие зарубки.

– Ваше высочество! – крикнул он обвиняюще. – А вы сами?

– Точно по плану, – возразил я. – Принц, позвольте вас поздравить! Я обязательно сообщу вашему отцу и его совет-

никам, что вы вели себя как настоящий полководец, который умеет смирять чувства в угоду разуму и политической необходимости. Это весьма!

Он ответил польщенно:

– Спасибо, ваше высочество. Батюшке будет слышать такое приятно... Но все-таки вы...

– Вступил в бой, – подсказал я, – в той фазе, когда уже все было решено. Битва заканчивалась, от меня ничего не зависело. Хотя, признаюсь, можно было и без этого...

Я хотел сказать «мальчишества», но он сказал раньше:

– Рыцарства?.. Да, но вы решили поддержать репутацию отважного воина, что бросается сломя голову на целый отряд! Это не очень разумно, однако рыцари такое ценят.

Зигфрид подъехал ближе, сказал брюзжащим голосом:

– Ваши высочества, в лагерь лучше вернуться незамедлительно. Здесь могут прятаться среди камней те, кто уцелел. Не хотелось бы, чтобы у кого-то сохранился лук.

Сандорин сказал бодро:

– Они даже шапки бросали, удирая, чтобы коням было легче... ха-ха!

Мы возвращались бодрые и торжествующие, уже понятно, что и эта армия Мунтвига перестала существовать, сокрушенная подавляющей мощью моей, более современной... да что там скромничать, намного более продвинутой!.. и дело не только в композитных луках или длинных копьях, но и в гибкой тактике, нацеленной на победу, а не на краси-

вые поединки, эффектные, пусть и бесполезные атаки, когда всякий лорд, игнорируя соседей, стремится показать именно личное мужество и боеспособность своей дружины.

Сандорин, веселый и раскованный, болтал всю дорогу с Зигфридом, как с равным, а я думал о том, что как-то должен совмещать в себе черты просвещенного государя-рыцаря, уважающего права свободных лордов, и в то же время быть чингисханом, что смешивал племена, а отряды разбивал на сотни, тысячи и тумены вне зависимости от того, сколько там из разных племен.

Он же ввел азиатскую систему, когда отрядами ставил командовать не по знатности, а по воинским талантам. И хотя пришлось немало знатных голов срубить, но его армия стала самой грозной в мире и завоевала для него несметные территории, перед которыми меркнут все достижения Александра Македонского, Цезаря или любого другого успешного завоевателя.

Ну... а я умею учиться у всех.

Глава 5

Лагерь мы разбили на краю поля битвы, я велел оставаться до тех пор, пока снова не будем готовы к походу, а это значит – раненых всех в обоз, на поле собрать все ценное, а тут полегло немало знатных лордов, полководцев Мунтвига и просто богатых рыцарей.

Вечером при свете факелов устроили пир: военачальники в трех больших шатрах, сдвинутых вместе, простые воины – у костров, куда они стащили все вино и окорока, захваченные во вражеском обозе.

Принц Сандорин явился, к общему удивлению, с принцессой Аскланделлой, по обыкновению величественной и надменной, усадил ее в кресло вроде бы рядом с собой, намереваясь ухаживать весь вечер. Так она оказалась между ним и мной, что единственно верно и не ущемляет ее статуса, так как я хоть и ниже ее по титулу, однако в этой армии главный все-таки я, потому она обязана сидеть во втором по важности кресле, но ни в коем случае не третьем или четвертом.

За нашим отдельным столом, что на небольшом возвышении, расположились помимо нас троих наиболее знатные и прославившиеся: герцоги Мидль, Клемент, Сулливан, графы Макс и Альбрехт, а также Палант, Норберт и епископ Геллерий.

Альбрехт, как самый сладкоречивый и умеющий склады-

вать слова в красивые букеты, гордо поднялся, окинул всех сияющим взглядом и сказал звучно:

– Нельзя просить у Господа победы в кавалерийском сражении тем, кто не умеет ездить верхом! Но мы доказали, что умеем умирять самых норовистых и диких коней!.. Так выпьем же, чтобы это умение нас никогда не покинуло!

Все поднялись, закричали «ура» и сдвинули над столом кубки, лихо расплескивая красное вино на белую скатерть.

Аскланделла не поднялась и не взяла кубок; Сандорин с галантными ужимками накладывал ей на широкое блюдо всякие лакомства, а она поинтересовалась у него, не глядя в мою сторону:

– Значит, вашего... этого, как его, курцпринца, не считают организатором этой победы?

Принц бросил в мою сторону пугливый взгляд и ответил шепотом:

– Принц Ричард у нас жутко стеснительный. Зато он любит, когда хвалят его полководцев.

Она произнесла насмешливо:

– Вот как? А я думаю, это оттого, что его заслуги никто не видит... А вот вы поступили удивительно мудро с этим притворным отступлением! Это смешало ряды армии герцога Келленгтона, когда конница без приказа ринулась вас преследовать...

Принц бросил на меня робкий взгляд, его щеки чуть зарделись.

– Да, хотя это и было трудно...

– Но мудро, – утешила она. – Вы поступили как полководец, а не мальчишка, что рвется в драку.

– Вы чрезмерно добры ко мне, – пробормотал он и посмотрел на меня уже совсем виноватыми глазами. – Я не настолько... хорош.

– С такими мудрыми полководцами, – произнесла она почти нежно, – вашему вождю можно вообще ничего не делать. Никто и не заметит, что он... ну, ничего не умеет.

Принц уже сидит как на иголках, то и дело бросает на меня умоляющие взгляды, но я сделал вид, что целиком поглощен беседой с сидящим с другой стороны от меня Альбрехтом, хотя мое ухо, обращенное к Аскланделле, увеличилось в размерах почти вдвое.

Неожиданно поднялся с кубком в руке герцог Мидль. Все сразу умолкли, смотрят заинтересованно. Герцог обычно держится несколько скованно, в беседы и споры вступает редко, а сейчас вот готов сказать тост...

– Жена, – произнес он в тишине, что нарушается только пьяными выкриками со стороны лагеря, – принимает в супружестве имя мужа, подобно тому, как победитель принимает имя битвы, им выигранной. Мы все знаем, что страшный удар рыцарской конницы был остановлен нашим дорогим Максимилианом фон Брандесгертом, которого мы все любим и с легкой руки нашего сюзерена зовем просто Максом!.. Вот он сидит, молчит, краснеет, как девушка, и вот-

вот спрячется под стол. Предлагаю отныне присовокупить к имени графа Максимилиана почетное звание Стрельмхольского, по имени этой битвы!

Все закричали «ура» и подняли кубки. Макс поднялся, весь красный, уши вообще полыхают, как факелы, поклонился, сел, снова вскочил и начал кланяться во все стороны, не зная, что делать с кубком в руке.

Аскланделла смотрела на него с явной симпатией.

– Это настоящий рыцарь, – произнесла она, ни к кому не обращаясь. – Образец скромности и рыцарских добродетелей.

И хотя можно ответить и мне, но я демонстративно смолчал, не такая уж она и цаца, чтобы я хватался за любую возможность заговорить с нею, ах, какое это счастье, да что вы говорите... в гробу я видел такую галантность, я из поколения небритых героев.

Сандорин сказал учтиво:

– Пожалуй, он единственный, чье имя любой рыцарь может произнести раньше своего и не ощутить себя ущемленным.

– И ему не завидуют? – спросила она.

Он покрутил головой.

– Выше высочество... его все любят. В самом деле, а не на словах. Он влюблен в свою работу, а не в почести. Уверен, сюда на пир его привели под конвоем по приказу его высочества.

Она бросила на меня беглый взгляд.

– Да уж, достойное обращение с героем!.. Вообще-то, на мой взгляд, вам удалось победить герцога Келленгтона лишь потому, что вы воевали в немалой степени... нечестно, как многие знатоки военной науки могут сказать.

– Принц, – сказал я, обращаясь к Сандорину, – если вам кто-то будет пороть какую-то глупость, то можете дать в морду, но если дурь порет женщина – что они еще могут? – улыбайтесь и кланяйтесь, улыбайтесь и кланяйтесь. Они очень уж умные, как же! Не знают еще, что любая война – нечестное дело. Но если она там восхочет вам брякнуть, что быть опытным военным стратегом плохо... ну, у женщин на все есть свое особое и единственное верное мнение, молчите и улыбайтесь.

Аскланделла помедлила, повернула голову, под ее холодным взглядом я ощутил себя по макушку в проруби.

– Ваше высочество, – произнесла она с нескрываемым презрением, – если у вас считается приличным разговаривать через голову женщины, то среди нормальных людей...

– Так то среди нормальных, – ответил я, – а мы – лучшие! Мы во всем выше серой унылой нормы, ваше высочество. Вам повезло оказаться среди избранных. Вы превосходите только титулом, но это, признайтесь, не ваша заслуга?

Она бросила на меня косой взгляд и снова занялась содержимым тарелки.

– Я могу гордиться и заслугами родителей, – произнесла

она после паузы с надлежащим холодком, – не находите?

– Только если ваш отец, – ответил я, – стал императором из простых, скажем, графов. Нет, еще лучше – баронов! Но если и родился сыном императора...

Она умолкла, затем спросила язвительно:

– А вы?

Я указал взглядом на скромно обгрызающего утиную лапку Макса.

– Мы с ним встретились на одном из турниров, оба были простыми рыцарями. Даже безбаннерными. Но мы прошли много земель, завоевали много королевств, в том числе и массу причудливых... Знаете ли, что у Макса в собственности земли не только виконств и графств, но и целое королевство далеко по ту сторону Большого Хребта? На берегу бескрайного южного океана?

Ее веки чуть дрогнули и приподнялись, глаза стали крупнее, можно бы даже залюбоваться их чистотой, если кому нравится арктический лед.

– Королевство?

– Да, – ответил я с тихим злорадством. – Но строить ему глазки напрасно, ваше высочество, даже не пытайтесь. Он видел столько прекрасных женщин юга, настоящих женщин, но даже они не тронули его сердца и не привлекли взора.

Она чуть искривила губы.

– А они пытались?

– Даже королевы, – соврал я, не моргнув глазом. – Насто-

ящие женщины понимают, что мужчин нужно измерять не титулами.

– Королевы? – переспросила она. – Это безнравственно.

– Незамужние королевы, – уточнил я.

Она взглянула на меня с насмешкой.

– Принцессы, вы хотели сказать?

– Королевы, – повторил я. – У нас на Юге все равны, хотя мужчины, конечно, равнее. И на тронах частенько попадают женщины, что управляют королевствами не хуже мужчин. А то и лучше.

Она поморщилась.

– Ваше высочество, не унижайтесь до вранья.

– Умолкаю, – ответил я.

Рыцари все громче требовали, чтобы тост сказал сюзерен. Я поднялся с кубком в руке, сказал ясным голосом:

– Я пришел, увидел, а бог победил!

И только когда я осушил кубок, до всех дошло, что тост сюзерена краток и разящ, как удар его же меча. Закричали «ура», потянулись друг к другу через стол чокаяться, а я скромно сел и наблюдал за пиршеством.

– Господь на нашей стороне, – сказал мощным голосом Сулливан, – он это показывает нам каждый день.

– Потому наши победы, – согласился с ним Альбрехт, – самые легендарные. Ну, как будет сказано в летописях.

Все довольно загудели, я видел поднимающиеся кубки и чаши, доносилось чоканье, как и чавканье, мир прекрасен,

его не могут испортить даже женщины, потому что, к счастью, другие женщины в состоянии украсить.

Я ушел с пира не то чтобы рано, но для государственного мужа повод всегда найдется, и должен находиться. Мы обязаны выглядеть важными, а на челе постоянно должна быть дума о стране, народе, его нравах и благополучии, если верить церкви и древним летописям.

В лагере веселье, я еще раз посетил ту часть обоза, что отдана под лазарет, пообщался с ранеными, кого похлопывая по плечу, кому трогая горячий лоб, а когда озноб начал пробираться даже в кости, вернулся в свой шатер, где укутался в медвежью шкуру с толстым мехом и с жадностью поел жареного мяса прямо с углей, после чего запил подогретым вином.

Зигфрид заглянул в шатер, на лице беспокойство, только он один понимает, чего мне стоит пообщаться с ранеными в таком количестве.

– Ваше высочество?

– Все в порядке, – успокоил я. – Дважды два уже четыре, а скоро будет еще лучше.

– А-а, – сказал он, ничего не поняв, – ну тогда мяса хватит?

– Не-ет! – вскрикнул я. – Давай еще, только пусть прожарят лучше. Я не дикарь, чтобы жрать с кровью.

Он переступил с ноги на ногу, сообщил зачем-то:

– Там принцесса покинула пир, прогуливается...

– В сопровождении, – сказал я понимающе, – Сандорина?

– Еще бы, – ответил он с ухмылкой.

– Ну и хорошо, – сказал я, – пусть присматривает за этой цацей.

Он помялся, сказал немного смятым тоном:

– Она частенько посматривает в сторону вашего шатра.

– Наверное, – предположил я, – покррой понравился. Или цвет. Что еще эту дуру может заинтересовать?.. В общем, неси мясо. Да побольше!

Он исчез, я сбросил шкуру, но передернул плечами и натянул снова, стараясь укрыть и зябнувший загривок. Руки тоже холодные, жабы позавидуют, а во внутренностях айсберг тает очень уж медленно.

Зигфрид принес мясо прямо на прутьях, я жадно хватал еще шкварчащее и брызгающее сладким соком, пожирал, как лев на арене Колизея девственников, и тепло постепенно проникало в застывшее тело.

По ту сторону послышался голос часового:

– Зигфрид, выгляни...

Зигфрид исчез; я торопливо расправлялся с остатками мяса, наконец он вернулся и буркнул:

– В нашу сторону едут какие-то.

– Мунтвиговцы?

– Вроде бы нет, – ответил он нехотя. – Похоже, местные лорды.

Я поднялся, не снимая медвежьей шкуры, выглянул в щель. В сторону нашего лагеря движется на рысях небольшой рыцарский отряд с развернутыми знаменами. Ветер дует строго от нас, потому рассмотреть гербы не удастся.

Конские накидки по здешней моде длинные, едва ли не до копыт, хороши для парада, но не для армейских переходов, а сами всадники одеты чересчур ярко и пышно.

Я вернулся к столу; Зигфрид смотрит с вопросом в глазах, я отмахнулся.

– Разреши. А там посмотрим.

В шатер вошли двое, рослый военачальник свирепого вида и его помощник, сразу же остановились, иначе можно счесть нападением, оба в удивлении уставились на меня, дрожащего и кутающегося в медвежью шкуру.

– Лорды, – произнес я.

Первый не сводил с меня взгляда, второй зыркнул быстро и отвернулся, но я успел увидеть коротко подрезанные светлые волосы, быстрый взгляд темных, как лесное озеро, глаз, ястребиный нос и запавшие щеки под выступающими скулами.

Он показался молодым, рассерженным и бесшабашным, но заговорил первый, который старше и выглядит злее.

– Ваше высочество, – сказал он с легким и весьма небрежным поклоном, – я герцог Стефан Строуд, дядя Его Величества короля Ринненкампа Твердозубого.

– Ричард, – ответил я, – Длинные Руки. Чем обязан?

Он выпрямился, сказал резко:

– Вы вторглись в земли королевства Пекланд!

– Да, – ответил я, – и что?

Он побагровел, произнес еще резче, уже задыхаясь от ярости:

– Вы топчете наши земли!.. Вы вводите свои порядки!..

Вы отбираете у людей зерно и продовольствие!

– Потому что вы, – пояснил я, – как королевская власть, не удосужились выйти навстречу и помочь нам в справедливой войне с Мунтвигом. Хотя бы фуражом. Потому и берем сами.

Он почти прошипел:

– Но никто не смеет... Только король...

Я отмахнулся.

– Бросьте, дядя... как вас там. Законное правительство – это я.

Молодой посмотрел на меня со злым интересом, но смолчал, а старший отшатнулся, глаза расширились.

– Это... почему же?

– Моя армия сильнее вашей, – пояснил я. – Вам что-то непонятно еще?

Побледнев, он несколько мгновений смотрел со злостью, наконец проговорил лязгающим голосом:

– Теперь... все... понятно...

– Вот и прекрасно, – ответил я.

Он отступил на шаг, вскинул голову и сказал напыщенно:

– Его Величество король Ринненкампф Твердозубый... как и все лорды королевства... верен императору Мунтвигу!

– Прекрасно, – повторил я. – Второй за сегодня камень с моей души.

Он уже отступил к пологу и собирался переступить на ту сторону, но не удержался, спросил:

– Почему?

– Пришлось бы обращаться, – пояснил я, – как с капризным союзником, а так все проще: грабь и насилуй, страна противника... Доброй дороги, герцог!

Он вышел, за ним отступил и его странный молодой спутник. Зигфрид сказал тихонько:

– Может быть, эту медвежью надо было сбросить?

– Так львиной же нет, – ответил я.

Зигфрид тоже пошел к выходу, но там оглянулся с озабоченным видом:

– Второй какой-то не такой...

– Принц, – ответил я с усмешкой. – Судя по повадкам. Наследник Ринненкампфа.

Он сказал тихо:

– Может... захватить его в плен?

Я покачал головой.

– А что нам и весь Пекланд?

По ту сторону стенки шатра слышались знакомые голоса; Зигфрид тут же выскользнул, я услышал его грозный рык, что вскоре стал мягче, потом еще и еще.

Через минуту полог отлетел в сторону, он сунул голову и спросил страшным шепотом:

– К вам Аскланделла! Пустить или в шею?

Я сказал со скорбным вздохом мученика:

– Разве таких прогонишь? Они вхожи везде, у них право... Впусти, чего уж там. Не то терпели.

Аскланделла вошла, царственная и величавая, как жирафа среди простых зебр, сразу с интересом посмотрела на шкуру, в которую я продолжал кутаться, как гусеница, намазывающая себе кокон.

– Это у вас какой-то ритуал?

– Магический, – согласился я. – Прошу вас, ваше императорское высочество, садитесь, куда вам будет угодно, хоть мне на голову.

Она окинула взглядом меня с головы до ног, словно в самом деле решала, не сесть ли на голову, потом поинтересовалась:

– В чем смысл такого ритуала?

– Вот посижу еще чуть, – объяснил я, – смогу вас домогаться без всякого сопротивления с вашей стороны!

Она поморщилась.

– Надо бы знать, дочерей августейших особ учат с колыбели противостоять любым домогательствам.

– А мне это надо? – спросил я нагло.

Она надменно приподняла брови.

– Но вы же...

– Так я всех домогаюсь, – объяснил я. – Подряд! Подумаешь, в одном из тысячи случаев не сработает!.. Если вас одеть во что-нить попроще, скажем, в обычный костюм простой рядовой графини или баронессы... думаете, кто-то увидит разницу?

Она сузила глаза.

– Ваше высочество, я зашла узнать, какие меры вы принимаете, чтобы вернуть меня императору Мунтвигу?

– Уверяю вас, – произнес я с жаром, – самые неотложные. И экстренные. Кстати, вам нужно было проявить больше... гибкости, когда чем-то рассерженный Мунтвиг решил отправить вас сюда!

Она посмотрела на меня свысока.

– Вы полагаете, я должна была так поступить?

– Уверен, – сказал я, – он уже безумно сожалеет. И потому можно ожидать вскоре от него гонца и почетный эскорт для вашего императорского высочества! Соответствующий вашему статусу. Или даже превосходящий.

Она вскинула на меня надменный взгляд.

– Превосходящий? Что вы имеете в виду?

– Да то и имею, – ответил я нагло. – Да садитесь же, а то вы, как служанка перед господином, ожидающим интимных услуг. Еще перепутаю...

Она фыркнула, однако высмотрела стул почище, брезгливо смахнула с него несуществующую пыль и царственно се-

ла.

– Полагаете, – осведомилась она холодно, – существует титул выше императора?

– Ессно!

Она спросила полным яда голосом:

– Какой?

Глава 6

Я подумал, наши взгляды встретились, она смотрит насмешливо и победно, я открыл было рот для веского и пространного ответа, видно по моему вдохновленному лицу с заблестевшими глазами, но выпрямился и ответил гордо:

– Знаю, но не скажу. Для себя приберегу. Для остальных же императорский – это и есть потолок! Даже, простите за выражение, крыша. Только я могу прыгнуть выше. В общем, со дня на день жду гонцов от Мунтвига и тут же передам им вас. Про доплату умолчу, не при дамах будь сказано, но будет агромадная!.. С моей стороны, как вы хорошо понимаете.

Она чуть наклонила голову.

– Разумеется, понимаю. Не по вашему рангу принимать у себя особу столь высокого положения.

– Точно, – согласился я. – Мы тут все простые, дикие, пришли на просвещенный Север и сразу раскрыли рты на его чудеса. У вас тут и доспехи лучше, и оружие, и коровы толще, и снег белее...

Она произнесла чарующим голосом:

– Наслаждайтесь видами наших красот, пока вас не перебили. Полководец из вас, как я уже поняла, никудышный. Вам просто везет.

– Значит, – согласился я, – вот такой я счастливый.

– Такое везение не длится долго, – напомнила она холод-

но. – Как уже сказала, вы никудашный полководец.

Я ответил довольным голосом:

– Как мне повезло!

– Повезло?

– Я всегда мечтал быть хозяйственником, – объяснил я. – Лучшим из управителей.

Она произнесла с нескрываемым презрением:

– Могу доверить вам управлять моей псарней. Той, что поменьше.

– А мне нужней побольше, – ответил я мирно. – Намного больше, принцесса.

Она умолкла; кожа на скулах напряглась, словно в самом деле уловила, что я имею в виду под псарней не только королевство или даже империю, а нечто большее, хотя и трудно представить, что может быть крупнее. Однако по моему виду заметно, что я представляю достаточно отчетливо.

– Принц Сандорин подтвердил, – заговорила она после паузы, – что вы в двух королевствах оставили на тронах женщин?

– Не солгал, – согласился я, – хотя надо бы.

– Зачем?

– Женщинам всегда лгут.

Она окинула меня презрительным взглядом.

– И вы?

– Конечно, – ответил я убежденно. – А как же? Представьте, что я не солгал, а сказал вам о вас правду? Да это немыс-

лимо!.. Такое дикое оскорбление...

Она поморщилась.

– Так что, с женщинами на троне?.. Разве это допустимо?

Я помедлил, что-то она слишком настойчиво добивается ответа на такой простой вопрос, ответил с некоторой осторожностью:

– Господь Бог доминантом назначил человека... в смысле, мужчину. Но это тяжелая обязанность, некоторые пытаются увильнуть от такой почетной ноши. Согласно салическому закону, трон не может занимать женщина. Это было основой всех законов во всех королевствах, не так ли? Ну вот, знаете, кто бы подумал... Однако законы пишутся и принимаются людьми. Оставив этот закон в основе, я ввел некоторые исключения, при которых женщина может занимать трон: до совершеннолетия своего сына, до замужества...

Она переспросила:

– До замужества?

– Ага, – сказал я, – уловили? А вы не совсем дура, ваше высочество, хоть и красивая. Вообще-то, я целиком за то, чтобы трон занимали только мужчины, однако помню, что в одном крупном и сильном королевстве некая Елизавета, временно занявшая трон ввиду отсутствия у отца сыновей, должна была там находиться, пока ее не выдадут замуж, понимаете? Ага, понимаете... Однако путем хитрых уловок избегала замужества... тоже понимаете? Избегала почти пятьдесят лет... позвольте, поддержу вас, а то у вас каблук под-

вернулся.

Она отмахнулась.

– Пустяки. Это у вас стол с кривыми ножками, хотя что у вас не кривое? Продолжайте свое вранье.

– Ее правление, – сказал я голосом школьного учителя, – было названо «золотым веком». За это время ее королевство стало великой державой, одолело прежнюю правительницу мира, разбив ее Неисчислимую Армаду... в общем, ни один король не сумел сделать для величия своей страны столько, как та женщина.

Аскланделла не отрывала от меня задумчивого взгляда прозрачных и словно бы светящихся изнутри, как жемчужины, глаз.

– Это... правда?

Я пожал плечами.

– А для других известных нам земель золотым веком стало царствование принцессы Софии Августы Фридрики Анхальт-Цербстерской, что сменила веру католической ветви христианства на апостольскую, приняла имя Екатерины Второй, сделала страну великой державой, раздвинув границы на запад и юг, где на южных морях закрепила страну навечно, настроив городов и крепостей. Честно говоря, очень мало мужчин, которые сумели бы сделать все так же хорошо. Особенно трудно в это поверить, потому что у политики нет сердца, а есть только голова.

Она сказала презрительно:

– Вы смешны!

– Сила, – ответил я кротко, – никогда не бывает смешной. А та София Августа, имея вот такое сердце... нет, вот такое!.. и не только сердце, простите за намек, а то бы вы его не уловили, умела демонстрировать и силу. Так что я с вами согласен, мы настолько дикие народы, что женщины у нас пользуются теми же свободами, что и мужчины... ну, почти всеми.

Она слушала внимательно, на этот раз в самом деле внимательно, наконец обронила величественно:

– Вы правы, это наверняка из-за вашей крайней отсталости... Впрочем, я рада услышать, что вы предпринимаете известные меры, чтобы связаться с императором Мунтвигом.

– На предмет, – уточнил я.

– На предмет, – согласилась она и грациозно поднялась. – Ваше высочество...

Я автоматически вскочил и учтиво поклонился.

– Ваше высочество.

Она вышла, высокая, прямая, с широкими плечами и тонкой талией, шлейф длинного платья выгреб за порог мусор, что нанесли гости с утра.

Зигфрид заглянул, спросил опасливым шепотом:

– Ну как?

– Пока не била, – сообщил я.

Он вздохнул с облегчением.

– Слава богу...

Я перекрестился.

– Думаешь, пронесло?

– Она может и вернуться, – сказал он и оглянулся. – Да вот вроде бы...

Я прислушался, сказал раздраженно:

– Я тебя, за такие шуточки над собственным лордом!

Он сказал тем же шепотом:

– Девка – огонь! Хоть и лед. Такая в самом деле может.

– Может, – согласился я. – У меня уже кости болят и кровоподтеки во всему телу, а это ж только смотрела не совсем благосклонно.

Он проворчал:

– Да кто их знает, когда и как они смотрят. Бывает, мы думаем так, а оно не так, а когда так, то и вовсе не совсем, потому что, да, с вывертом. Мы на сколько здесь задержимся?

– Спроси у епископа, – предложил я. – Если раненые могут вынести тряску, то выступим хоть завтра. Если нет, задержимся на пару дней. Но не больше.

Он вышел, а через минуту порожек неслышно перешагнул Норберт, строгий и подтянутый, остановился, словно на приеме во дворце.

Я пояснил досадливо:

– Сэр Норберт, давайте без церемоний.

Он пояснил сдержанно:

– Время от времени нужно проверять...

– Разве я меняюсь?

– Титулы сменяются быстро, – напомнил он, – а с ними обычно меняются и люди.

Я сказал со вздохом:

– Это верно, растут обязанности. Но отношения с друзьями чего вдруг будут меняться?.. Теперь о деле. Начнем готовить операцию, прямо сейчас. Тайно. В такой огромной армии, как у нас, обязательно найдется кто-то.

– Найдется, – согласился он. – Я приму меры, ваше высокочество.

– Начнем с того, – сказал я, – что везде распустим слухи, дескать, огромная и несокрушимая армия южан под руководством разъяренного принца Ричарда неуклонно продвигается к королевству Эбберт. У этого Ричарда с королем Харбиндером личные счеты, а какие – спросите у короля. Знаем только, что Ричард вот-вот обрушится на него со всей яростью.

Норберт кивает, слушает внимательно, спросил тихо:

– А на самом деле отправимся куда?

Я тоже понизил голос:

– В Эбберт.

Он чуть отодвинулся, взглянул с недоверием.

– В Эбберт?

– Да.

– Тогда, – пробормотал он, – зачем такие слухи? Если мы туда и пойдем? Это что, рыцарство, которое в больших битвах вы сами полагаете неуместным?

– Не совсем, – сказал я еще тише. – Барон, давайте... вторую часть плана пока оставим на потом. Нам нужно, чтобы сработала первая.

Он пожал плечами.

– А что тут срабатывать? Мы объявляем во всеуслышание, что идем на Эбберт. А после этого идем... на Эбберт!

– Но постарайтесь, – сказал я, – чтобы это слухи были самыми убедительными. Дескать, весь этот поход затеян только для того, чтобы злобный и мстительный принц Ричард, наконец-то набравший сил, смог отомстить обижавшему его королю Харбиндеру! Он весь пышет яростью, спать не может, пока не заставит Харбиндера заплатить за все пережитые унижения!

Он подумал, кивнул.

– Это может сработать.

– В смысле?

– Народ в Эбберте начнет роптать, – пояснил он, – что король из-за своих прихотей подвергает разорению всю страну. А удельные лорды, как мы знаем, тут же попытаются этим воспользоваться.

– Вряд ли, – сказал я с сомнением. – Харбиндер крут, держит всех в кулаке... Хотя кто знает, что стрясется, когда границу перейдет наша ударная. Действуйте, сэр Норберт!

Глава 7

Через три дня отдыха армия снялась с привала и продолжила путь в глубь Пекланда. Народ там уже настороже, торопятся убраться с дороги в леса, в то время как справа и слева деревни и города живут своей жизнью, даже не подозревая, что в королевство вторглась чужая армия.

Я в нетерпении выезжал вперед, всматривался с жадностью в открывающиеся дали.

Когда человек на уровне крестьянина или даже простого рыцаря, он ходит и ездит не по землям, а по земле. Для него самые значимые ориентиры и авторитеты, выше которых ничего нет, – это вон тот замок на высокой горе и всемогущий лорд, обитающий там.

Замки и лорды – это реальность, с ними приходится считаться, учитывать, а как называется королевство... да и королевство ли это или просто земли, где люди корчуют леса, засыпают болота и распахивают целинную землю?

Вот и я в свое время ехал здесь, свободный и счастливый, как теперь понимаю, и даже не интересовался, какому королю что принадлежит, потому что эти знания какие-то неуместные и ненужные. Сегодня принадлежат одному королю, вернее – королевству, завтра другому, это зависит не столько от войн, сколько от династических браков. В приданое обычно отдаются огромные области с сотнями городов и

замков, но жители даже не замечают, что сильные мира сего время от времени перекраивают карту вселенной.

А вот лорды земель – да, это вечное, несокрушимое, важное. Однако вот сейчас, когда за мной движется огромное войско, я уже смотрю не на лордов, а целиком на королевства, и пытаюсь определить: мое Амальфи в королевстве Пекланд или Сакрант?

Правда, сейчас это чисто умозрительное, но остро нахлынули воспоминания, я начал в нетерпении оглядываться. Позади в грозном блеске доспехов мои отборные телохранители, во главе несокрушимый Зигфрид, а рядом с ним его миниатюрный оруженосец, Скарлет... Удачное вообще-то имя, мужское и женское одновременно...

Сперва у меня был план, хотя это не столько план, как смутная надежда, что из Бриттии пройду по краю Зорра, где его воинственное рыцарство, закаленное в боях с Карлом, присоединится ко мне, но пришлось отказаться от соблазнительной идеи.

Генгаузгуз, столица Мунтви́га – на западе, нельзя терять ни дня, потому просто послал в Зорр гонцов с сообщением, что моя армия идет на преемника Карла, который причинил им столько зла, зову принять участие в священном походе возмездия и христианского воздаяния око за око, зуб за зуб, да еще и сторицей, как уточнил гуманный и всепрощающий Иисус.

За спиной простучали копыта, Альбрехт догнал на моло-

дой горячей лошади, что всего пугается, зато, как говорят, самая быстрая в армии. Воздух прохладный, осенний, да еще встречный ветер при скачке, так что теплый свитер под плащом вполне к месту.

Я сказал требовательно:

– А доспехи?

Он покачал головой.

– Нам сюзерен подает пример, как обходиться без них.

– Дурной пример, – сказал я сварливо, – не стоит ему следовать. Ваш сюзерен руководит битвами с вершины далекого холма, а вы все лезете в самое пекло...

– А что видно сейчас с высокого холма? – поинтересовался он. – Мы вроде бы планировали идти на столицу Сакранта?

Я сказал язвительно:

– Граф, я не знаю, что вы там планировали, но мы двигаемся к Эбберту. И никаких других планов!

Он сказал озадаченно:

– Ну... если такова стратегия... Будем брать королевство Эбберт?

– Возьмем или не возьмем, – пояснил я, – но в его окрестностях хоть малость отдохнем и отъедемся. Второй месяц с коней не слезаем, а они тоже не железные. Людей Макса уже ноги едва несут.

– Надеетесь на местных баронов?

– Только не в Эбберте или Сакранте, – сказал я. – В Эб-

берте на троне все еще Харбиндер, сейчас он, надеюсь, просыпается в холодном поту, когда слышит мое имя, а Сакрант всегда принадлежал Мунтвигу. Там ему верны и гордятся его успехами и славой.

Подъехал Клемент, прислушался и прогудел, как колокол, размером с дом:

– Обойдемся и без них. Вашими усилиями, ваше высочество, создана такая армия, что я даже и не знаю, чего она сделать не в состоянии!

– Нашими усилиями, – поправил я значительно. – Все мы вносим посильную лепту... интересно, что это?.. в создание высокой обороноспособности нашего великого Отечества, чтобы оно могло наносить оборонительные удары в глубоком тылу вероятного и маловероятного противника!..

Клемент заметил весело:

– Что мы и делаем... га-га-га!

Дорога пошла под каменной стеной, что поднимается чуть ли не до облаков, очень опасные места для тех, кто внизу: одним камнем можно сшибить несколько человек.

Норберт уже послал туда два отряда, чтобы прочесали гребень, да не спрячется враг, я подумал, пустил Зайчика следом. Зигфрид чертыхнулся, но повернул коня и понесся за нами.

Бобик даже взвизгнул от радости, вот уж не думал, что ему нравится лазить по горам. Через несколько мгновений его толстый зад замелькал впереди, быстро поднимаясь на

кручу, и вскоре огромные глыбы скрыли его из вида.

Зайчик вознес меня довольно бодро, хотя шел под таким углом, что я держался за луку, а иногда и обхватывал его за шею, чтобы не сползти на круп.

Вид с высоты несколько странный, вот так едешь по самому краю пропасти, а в голову невольно лезут всякие мысли, самые разные, раньше всех их озвучил Иисус, когда облек свои раздумья в форму разговора с искушавшим его дьяволом.

Люди Норберта обшаривают все места, где может затаиться человек, надолго их это не займет, гребень не только высок, но и узок – спрятаться негде.

Я то и дело прямо с седла засматривался вниз, где уже показались передовые части шателленцев, впереди герцог Мидль под двумя развернутыми знаменами: королевства Шателлен и своим личным.

Вообще-то, на то, чтобы ехать впереди – шансов было больше у принца Сандорина, но ему пришлось выбирать между этим почетным правом и галантной обязанностью служить даме в облике принцессы Аскланделлы, а ее нужно везти в самом безопасном месте.

Зигфрид подъехал ближе, лицо напряженное, проговорил жутко трезвым голосом:

– Ваше высочество!

Я оглянулся.

– Чего?

– Не следует, – напомнил он непривычно строго, – так смотреть вниз. До земли не меньше сорока ярдов. А то и все пятьдесят.

Я фыркнул.

– Что? Уж не думаешь ли, что собирался броситься вниз головой?

– Да, в общем-то, – буркнул он, – вид у вас был именно таков. Хотя никогда не понимал дури этих бросальщиков.

– Ну да, – сказал я саркастически, – вид у меня, ага, вниз-головный. Весь мир и так стоит на голове!

Он все еще рассматривал меня в упор, во взгляде подозрение, а я повернулся к нему спиной и вперил взгляд в даль, где расположен проклятый Эбберт.

По телу пробежала запоздавшая дрожь, все-таки это идиотизм даже подумать, что можно бы спрыгнуть и остаться живым после удара о землю.

Благодаря доспеху Нимврода снаружи все останется целым и невредимым, но внутри превратится в кровавое месиво. Уж не знаю, настолько ли моя регенерация всемогуща, чтобы собрать все заново... даже с учетом того, что и она за последнее время ускорялась и крепла.

Нет, рисковать не буду. Я вообще не рискованный, даже и не знаю, пригодится ли мне еще эта кожа Нимврода, что вообще-то совсем не нимвродия, да и вообще-то вряд ли что-то такое уж мифическое, как прилепленное к нему имя...

На привале я нарочито не стал собирать большой совет,

просто велел Зигфриду позвать к моему костру герцогов Клемента, Мидля и Сулливана, а также графов Альбрехта и Макса.

Зигфрид взглянул вопросительно:

– А прынца?

Я отмахнулся.

– Сандорина пока не жди.

– Развлекает Аскланделлу?

– Как видишь, – сказал я довольно. – А ты говорил, зачем он в походе, зачем в походе! В большом хозяйстве даже принцы пригождаются.

Он посмотрел на меня с непонятым восторгом.

– Ох, ваше высочество, ну и свинья же вы! Всех умеете приспособить, чтобы самому и пальчиком не шелохнуть.

– Правильное руководство, – сказал я гордо, – это всех расставить на нужных местах! И кому в руки лопату, кому меч, кому кнут...

– Кнут?

Я кивнул:

– Ты прав, кнут никому не отдам.

Он исчез, а спустя четверть часа из разных концов лагеря показались военачальники. Подражая мне, отмахиваются от сопровождающих, как велит их ранг, и пришли поодиночке.

Я сказал бодро:

– Можете сесть, господа, хотя здесь вообще-то не на чем. Потому буду краток, хотя поговорить люблю. Говорить – это

не работать... В общем, слушайте внимательно. Через два дня армия остановится на недельный привал, и я тогда вообще взбешусь от безделья!.. Потому, дабы не, я изволю. Ну, вы поняли.

Они собрались по ту сторону костра не плотной кучкой, лорды такого ранга в толпу никогда не сбиваются, но ощути-мо дружной группой, когда защищают себя и соседа с одинаковым рвением, потому что угроза общим интересам.

На меня поглядывают с неодобрением; Клемент первым прогрохотал тяжелым, как весь наш обоз, голосом:

– Вперед в одиночку?

– Недалеко, – заверил я. – У меня было озарение... ну, это такое видение насчет того, что впереди нет серьезных воинских сил. Вплоть до самого Вифли. Это такой город в Эбберте.

– А крепости? – спросил Мидль вежливо.

– Крепости мы и так обходим, – напомнил я. – Придет время, сдадутся. Еще как сдадутся.

Герцог Сулливан окинул меня с головы до ног придиричи-вым взглядом.

– А смысл в вашей поездке?.. В одиночку битвы не выиг-рывают. Просто показать удаль в отдельных схватках?.. Я ни-когда не сомневался в личном мужестве вашего высочества, более того – мне самому были даны убедительные доказа-тельства, однако...

Он умолк, подбирая слова, граф Альбрехт произнес снис-

ходительно:

– Задача государей не выигрывать битвы, для этого есть армии, а крепить устои королевства, завязывать прочные связи с соседями, искать могучих союзников...

Макс сказал застенчиво:

– Его высочество уже не раз, увы, демонстрировал свое умение решать некоторые конфликты без войны.

– Это не тот случай, – проворчал Сулливан и махнул рукой, – но это у меня не возражение, а так... непонимание. Во всяком случае я посоветовал бы взять хорошую охрану.

Я покачал головой.

– На своем коне я могу удрать от кого угодно, а с охраной надо оставаться и принимать бой. В общем, решено! Каждый из вас знает, что делать. Кто забыл, могу повторить.

Альбрехт сказал быстро:

– Нет-нет, никто ничего не забыл, нам лишние трупы не нужны. Но все-таки не забирайтесь далеко, ваше высочество... вы ведь уже ваше высочество!.. а это накладывает, как вы сами упоминали.

– Налагает, – поправил я строго.

Он чуть поклонился.

– И возвращайтесь поскорее.

Глава 8

Лагерь остался позади, довольный Зайчик понес меня по узкой долине, постепенно набирая скорость. Пусть мои лорды думают, что я просто фанфарону, выезжаю вперед от юношеского нетерпения и жажды приключений, такие мысли для них безопаснее и никому не испортят аппетит, тем более никого не лишат сна.

Меня же буквально трясет при мысли, что с каждой ступенькой по лестнице титулов проблем становится только больше. Рискнув вторгнуться в глубь территорий, подвластных Мунтвигу, я расположил основную часть армий на границе с Варт Генцем, дав им строгий наказ удерживать наступающие орды и не дать прорвать оборону.

В Мезине также осталась часть моих войск, но хватит ли их для поддержания там нашего присутствия? Что в Ламбертини? Она для нас жизненно необходима!.. Какие позиции сейчас занимают Барбаросса и Найтингейл?..

Что с Орденом Марешаля? Герцог Готфрид уехал и как сгинул... Никого это не тревожит, не их дело, эти государственные заботы должны вызывать язву у меня, сюзерена быстро разрастающихся подконтрольных областей.

Потому вот, не показывая вида, надо стараться побывать хотя бы там, где возможно. Государи вообще не показывают вида, когда им хреново, ибо это чревато потрясением основ

государства, волнениями, слухами и бунтами.

Я натянул повод и воровато огляделся. Сейчас мне достаточно и того, что пара лесистых холмов поднялась между мной и лагерем, толстые и надменные, как две большие важные жабы, готовые отгородить от всего мира.

Бобик прыгает вокруг в нетерпеливом недоумении, арбогастр понимающе фыркнул, когда я начал расстегивать сумку справа от седла. Нужно завести еще одну и слева, для симметрии, а то эта уже безобразно раздувается от новых вещей.

Зеркало Горных Эльфов позволяет видеть только те места, где уже побывал, остальное скрыто «туманом войны», но это раньше было бы интересно подсматривать, что народ делает, когда думает, что их никто не видит, но сейчас злое нетерпение сжигает меня с такой силой, что руки задрожали, когда начал растягивать эту странную раму вверх и в стороны.

То ли это чутье, которым наделили «предки» в крепости Брабанта, то ли я такой умный и догадливый, но еще там, у горных эльфов, заподозрил кое-что еще насчет этого зеркала, скрытое, возможно, и от самих эльфов.

Собравшись с духом, я коснулся кончиками пальцев холодной поверхности. Гладко и твердо, но когда провел по этому идеально ровному льду, создалось ощущение, что слегка прогибается.

Бобик подбежал наконец, понюхал и, обернувшись, посмотрел на меня жутко красными глазами.

– Не бойсь, – заверил я. – Мы вместе!

Он замахал хвостом и оглянулся на арбогастра.

– И его возьмем, – добавил я неуверенно. – Если, конечно, сумеем.

Я старательно представлял те уединенные места, где превращался в птеродактиля, в зеркале возникают до тошноты одинаковые мелкие овраги, только пару раз мелькнуло нечто с камнями, затем снова лес, руины зданий, вершина башни какого-то замка, уединенное место во дворце Геннегау... прекрасно, как-нибудь воспользуюсь, но не сейчас...

Сейчас и опасно, напомнил себе, вдруг Кейдан сосредоточил в своих руках всю власть в Сен-Мари, меня тут же зарежут, да и планы у меня сейчас более приземленные.

Бобик то принимался, то нарезал круги, наконец я постарался представить себе вид с большой высоты, чтобы хоть как-то привязаться к знакомым ориентирам, все же здесь видел, когда птеродактилил...

После одинаковых гор и долин внизу проступила знакомая горная гряда слева, а от нее в полумиле должна идти дорога, по которой как раз и смогу...

– Есть, – сказал я с облегчением. – Это местечко помню.

Рама скрипела и отчаянно сопротивлялась, мои мышцы начали потрескивать, наконец я ощутил, что все, больше не раздвину, хоть лопни. Поверхность зеркала ощутимо подрагивает, а когда коснулся ее снова, пальцы погрузились, как в желе.

Сердце колотится, словно пойманная в клетку птичка. Оглянулся на Зайчика, он хоть и гигант, но, если согнет ноги в коленях, гм... а мы с Бобиком уж точно сумеем.

— Ждите здесь, — велел я.

Поверхность зеркала напоминает вставшее вертикально горное озеро, только вода температуры жидкого азота.

Я задержал дыхание, закрыл глаза и, взявшись за раму, начал вдавливать в это мерзкое желе. Холод пронзил до костей, а потом и до мозга костей.

Почти сразу теплый воздух коснулся лица, я поднял веки со слипшимися от внезапного мороза ресницами. Ура, я на этой стороне, пальцы правой руки все еще стискивают край рамы, из-за чего почти превратились в ледышки.

Когда я поспешно отдернул руку, зеркало осталось на месте, огромное, уродливое и перекошенное, ну не эстет я, не эстет, мне лишь бы работало.

С той стороны заглядывает озабоченный Зайчик, затем мелькнула морда Бобика с отчаянными глазами и обвинением во взгляде.

— Ко мне, — сказал я. — Бобик, ко мне!

Он сунулся носом, с визгом отпрыгнул, обиженно потер морду лапой, а на меня посмотрел с немим укором, подозревая грубую шутку.

— Бобик, — сказал я виновато, — я люблю тебя. Если не придешь ко мне, то пойду дальше один.

Он взвизгнул оскорбленно, ринулся в раму, как в холод-

ную воду. Я едва не упал, когда он бросился мне на грудь, заледенелый, как глыба антарктического льда, жадно лизнул в лицо.

– Подожди здесь, – велел я. – Боюсь, Зайчик не решится... он же все-таки этот... ну, арбогастр, а они звери довольно пугливые.

Говорил я громко, Зайчик должен был услышать и устыдиться, однако он лишь отступил на шаг. Я стиснул челюсти, проломился через холод на ту сторону, ухватил его за узду и потащил с силой.

– За мной!.. Не отставай!.. Родина в опасности!.. Враг у ворот!

Рама тряслась, когда я сумел перетащить его на эту сторону. В самом деле пришлось ползти на коленях, а здесь уже Бобик напрыгивал, радуясь, что снова все вместе.

Я торопливо и довольно легко сузил размеры Горного Зеркала до прежних, когда легко спрятать в седельной сумке.

– Все, – сказал я, вздрагивая от холода и возбуждения. – Сделаем вид, что мы тут и живем. Погулять вышли!

Едва я вскочил в седло, Зайчик без подсказки пошел гордым галопом в сторону дороги. Бобик сделал вокруг нас два расширяющихся круга, как оса, запоминающая место своей норки, и ринулся на поиски приключений.

– Далеко не уходи! – крикнул я вдогонку.

На дороге легкое облачко пыли, но с большим отрывом от него, позади вся равнина накрыта серым одеялом призрачно

легкой пыли, как всегда за большим конным отрядом.

Насторожившись, я послал Зайчика наперерез. Бобик посмотрел на меня, вздохнул и пошел мерными скачками рядом. Вскоре я рассмотрел группу скачущих всадников в пышных одеждах, именно в пышных: они придают такую значительность и величавость даже мужчинам. Хотя, конечно, и холодный климат виной, да и встречный ветер на просторах дорог весьма неприятен, но все-таки широкие и объемные одежды не только лучше сохраняют тепло, но и придают ощущение властности и огромности, что так важно в нашем мире силы и brutального натиска.

Мы сближались молча, Зайчик и то насторожился, а у меня тревожно стучит сердце при виде грозного зрелища скачущего отряда неизвестных всадников, у которых видны только стальные доспехи и длинные копья над головами.

Земля дрожит и стонет под ударами железных подков, в каждом движении конного отряда чувствуется звериная мощь и ярость. Быстрая скачка заставляет вскипать кровь, все мы становимся зверьми, а мысли в таких случаях несутся быстро и хаотично, когда слишком быстр и неуловим переход от радости к ярости, от слез к гневу.

Во главе переднего отряда красиво и со спесью скачет высокий, плотно сбитый рыцарь с сухим и явно подвижным телом. В глаза бросились широкая нижняя челюсть с выступающими в стороны углами да дерзкие глаза, что стремятся сломить встречный взгляд.

Даже одет холодно-сдержанно, что больше пристало бы конникам в разъезде, тем не стоит, чтобы их замечали издали, но это рыцарь из знатной семьи, вижу по сложному гербу с символикой древних эпох.

В левой ладони повод, правая свободно лежит на бедре, но рядом с рукоятью меча, а по бокам, чуть приотстав, двое таких же молодцев, похожих на старшего, как капли воды.

Мы с Зайчиком рысью подъехали к дороге и остановились на обочине. Всадники начали придерживать коней, воззрились с изумлением.

Старший вздрогнул, глаза расширились, торопливо соскочил на землю и преклонил колено.

– Ваше высочество!

Я милостиво наклонил голову. Эти трое братьев кажутся смутно знакомыми, хотя понимаю, что никогда их не видел. У всех троих странные и настолько светлые глаза, почти белые, что по спине пробежали мурашки. В тени или на свету одинаково остро и пронизывающе горят черные зрачки, крохотные, как маковые зерна, не расширяясь и не суживаясь.

Где же я видел эти холодные и расчетливые взгляды, эти немигающие глаза, где ни голубизны, ни серого оттенка, а только эта белизна, когда радужки как будто и нет вовсе...

Два брата последовали за старшим, остальные всадники остались в седлах; они не удостоены чести преклонять колена перед сюзереном.

Я заставил себя широко улыбнуться, раскинул руки в са-

мом приветливом жесте, словно встретил старых друзей, с которыми так много общего.

– Приветствую птенцов славного рода Хорнблауэров!..

Они все трое смотрят все так же немигающе, но я наконец-то увидел в их взглядах удивление, переходящее в изумление.

Я сделал знак, чтобы поднялись. Старший первым воздел себя на ноги и произнес с отчетливой ноткой удивления:

– Ваше высочество?.. Неужели правда, вы можете видеть больше... других людей?

Я засмеялся, стараясь, чтобы голос звучал как можно естественнее и дружелюбнее:

– Ваша сестра пользовалась при королевском дворе бешеным успехом и не случайно стала королевой рыцарского турнира.

Они смотрели все так же в ожидании, я улыбнулся еще шире и закончил:

– А вы все трое явно из одного гнезда с вашей милой Хорнегильдой!.. К тому же она упоминала, что у нее трое братьев.

Старший произнес почтительно:

– Мы бесконечно признательны, что вы запомнили такой пустяк, как случайно оброненные нашей сестрой слова.

– Она ничего не роняет случайно, – заметил я.

– Спасибо, ваше высочество...

– Как она сейчас?

Старший сказал почтительно:

– По дороге мы как раз сделали небольшой крюк, чтобы проехать мимо крепости герцога Сулливана, ее супруга.

– Он со мной, – заверил я. – Сражается красиво и достойно. Стяжал великие подвиги, можете гордиться таким родственником!

Он ответил с поклоном:

– Да, и когда мы узнали, что герцог ушел к вам, то поспешили по его следам... Меня зовут Арнольдус, я граф Гогенбергский.

Второй сделал шаг вперед и церемонно поклонился.

– Барон Витториус, ваше высочество! Располагайте мной и моей жизнью!

Третий, самый молодой, тоже шагнул быстро и порывисто, воскликнул юношеским голосом:

– Ваше высочество!.. Сэр Тири, баннерный рыцарь, целиком и полностью в вашем распоряжении! Как и все наше войско!

Я сказал одобрительно:

– Видно издали, войско отменное. И вооружение отличное, чувствуется работа сен-маринских оружейников. Дорогие друзья, вам осталось не больше пяти миль до расположения войск герцога Меганвэйла. Там вы познакомитесь с множеством знатнейших лордов и рыцарей из королевств Вендовер, Варт Генц, Скарлянды, Шателлен и Турнедо!.. Это расширит ваш кругозор и поможет завязать нужные знаком-

ства!.. Езжайте, я догоню попозже.

Они торопливо повскакивали в седла, чувствуя радостное возбуждение от внезапной встречи с великим завоевателем, о котором начинают распространяться причудливые легенды о его странностях, когда он путешествует только в обществе коня и собаки.

Сэр Тири рискнул спросить:

– Ваше высочество! Может быть, вы нас и поведете? Это же такое счастье – прибыть в воинский лагерь под вашей дланью!

Я засмеялся, сказал с сожалением:

– Я бы с охотой, но столько дел... Еще увидимся!

Они едва успели головы повернуть, как арбогастр набрал скорость, и мы все трое исчезли в облаке пыли.

На самом деле мы промчались не больше двух миль: я уже заметил в стороне от дорог обломки копий и обрывки одежд, но трупов нет, это значит, Меганвэйл велел окрестным крестьянам закопать тела мунтвиговцев, а их добро взять себе в уплату.

Постоялый двор на том же месте, хоть с чего он переместился бы, здесь столетиями ничего не меняется, если не пожар или Волна Трансформации.

Ворота гостеприимно распахнуты, во дворе несколько телег, три повозки и одна коляска, а также с полдюжины верховых коней, чьи поводья просто наброшены на крюки, торчащие из стены.

Бобик двигался рядом с арбогастром и всячески старался казаться чем-то вроде кролика, но все равно народ отпрыгивает в стороны с воплями и руганью, кто крестится, кто хватается за крест, а самые разумные просто замирают на месте.

Я оставил Зайчика у коновязи, мужик привязывал рядом своего коня, на Зайчика покосился с неуверенностью на лице.

– Господин, ваш конь... моего не загрызет?

– Если твой не начнет первым, – заверил я.

Он вздохнул.

– Спасибо, что предупредили. Мой вообще-то драчливый. Кобыл обожает, а с жеребцами всегда задирается.

– Тогда смотри сам, – сказал я.

Он снова оценивающе посмотрел на арбогастра.

– Нет уж, ваша лошадка и десяток моих стопчет, не почешется.

Он увел своего коня подальше, а я пошел к крыльцу. Со стороны ворот донесся мощный стук копыт, конское ржанье. Во двор въехал рослый рыцарь на огромном гнедом жеребце, доспехи на всаднике из хорошей стали, но все-таки многовато зарубин и царапин, за плечами выгоревший плащ почти серого цвета, кожаные штаны плотно обтягивают толстые сильные икры, сапоги из хорошей кожи сидят в широких стремянах так плотно, как будто стали их частью.

Сам рыцарь выглядит не просто бывалым воином, а очень бывалым и очень опасным.

Он поймал мой взгляд, проехал, я все еще смотрел ему в спину и не успел отвести взор, когда он быстро оглянулся. Наши взгляды встретились.

Я не успел сдвинуться, как он моментально перенес ногу через седло и соскочил на землю. Я напряг мышцы, когда он быстро пошел ко мне, рослый, поджарый, налитой настоящей мужской силой, что уже сейчас просит выхода.

Глава 9

Я чувствовал приближение опасности и в то же время непонятное возбуждение: где-то уже видел это лицо со множеством шрамов, короткие седые волосы, что спускаются по краям головы, захватив щеки почти до самых глаз, а дальше это все называется уже бородой.

Он заговорил издали:

– Мое почтение, сэра... Меня зовут Родут, барон Родут. Мне показалось ваше лицо знакомым.

Голос его звучал сильно, звучно и тоже странно знакомо. Я всмотрелся в его лицо, а он остановился и ждал с нетерпением в глазах. Шрамы и шрамики все мелкие, но чувствую, вовсе не потому, что острое железо едва касалось его лица. Он весь как будто вырезан из старого крепкого дуба... если не крепче.

– Странное чувство, – признался я, – но у меня тоже такое же... Хотя могу сказать твердо, мы с вами никогда не виделись.

Он чуть наклонил голову.

– Да, сэра, я бы вас тоже не забыл... Но, может быть, вы меня видели как-то где-то, а потом забыли?

Я покачал головой.

– Нет, такого рыцаря я бы не забыл. Кроме того...

– Сэр?

– У меня прекрасная память, – сказал я нехотя. – Запоминаю все.

Он кивнул, не сводя с меня взгляда.

– Сэр, позвольте угостить вас в этой таверне? Может быть, за чашей хорошего вина, если такое отыщется, мы все же разгадаем суть этого странного ощущения.

Бобик проскользнул следом за нами в харчевню, помещение наполовину пусто, зато густо и смачно пахнет бараньей похлебкой. Народ занят жратвой и вином, все насыщаются спокойно, но с рассчитанной осторожностью, как принято в незнакомых местах, где останавливается множество проезжающих: не орут, не откидываются на спинку сиденья и не разглядывают вызывающе входящих или сидящих за другими столами. Так можно делать только в своей деревне, где знаешь каждого, как облупленного, а здесь могут попасться такие, что сразу и с большим удовольствием собьют рога.

Потому мы прошли к свободному столу, не особенно привлекая внимание, хотя два таких рослых воина, пусть и в затрапезной одежде, всегда находятся на перекрестье взглядов.

Бобик сразу же устроился под столом, а барон Родут тяжело опустился на лавку, всхрипнул, как конь, явно недовольный, что перед ним не выстроились слуги.

Я не успел слова сказать, он повел ладонью над столом, там появились две тарелки, два кубка и большой ломоть черствого хлеба.

Я дернулся в изумлении, а барон в нетерпении оглянулся в сторону кухни.

– Ползают, – прорычал он злобно, – как черепахи... Сжечь бы их всех...

Его руки уже ломали хлеб, посыпали крупной солью, а пожирал он с жадностью, словно неделю питался только водой из ручья.

– Не обращайтесь внимания на пустяки, – ответил я и, тоже проведя ладонью над пустыми тарелками и кубками, сосредоточился изо всех сил. – Люди... есть люди.

Он не охнул, но застыл на мгновение и вперил взгляд в ломти мяса на тарелке, а затем осторожно взял кубок с вином.

Я улыбнулся, вскинул свой на уровень глаз, отпил до половины и поставил обратно.

– Сэр, – сказал он пораженно, – не зря я на вас обратил внимание.

Бобик под столом ухватил брошенный ему кусок мяса, довольно заурчал.

Вино в кубке барон осушил до дна, ни мало не беспокоясь, что оно волшебное или может быть вообще отравленным. Лицо чуть порозовело, а глубокие складки тревоги малость разгладились.

Я посматривал на него время от времени, стараясь вспомнить, кого же напоминает его лицо. Странное ощущение, где-то уже видел, но где, где...

Он ухмыльнулся.

– Вижу, вы тоже...

– Барон?

– Я присматриваюсь ко всем в пути, – объяснил он, – и научился непростых людей отличать от простых быстро.

– Все мы непростые, – пробормотал я, – хотя иногда становимся проще некуда.

Он тяжело вздохнул.

– Я так надеялся, что хоть на этот раз мне повезло.

– В чем, дорогой барон?

– Что вы узнаете меня, – ответил он. – Хотя на самом деле, конечно, не меня... Ваше здоровье!

– Барон?

– У меня есть брат, – объяснил он. – Брат-близнец. Я пытаюсь разыскать его вот уже пятьдесят четыре года.

Я тихонько охнул.

– Ничего себе? Сколько же вам, барон?

– Семьдесят четыре, – ответил он с мрачной гордыней. – Из них пятьдесят лет в седле.

– Это достойно, – ответил я. – Я еще не встречал такую любовь к брату!

Он недовольно дернул щекой.

– Здесь не любовь... Какая любовь, если я его вообще не видел? Нас разлучили во младенчестве. Говорят, еще когда лежали в колыбели, то могли, забавляясь, двигать мебель по комнате! Однажды я перенес корову на вершину колокольни

всего лишь силой желания.

Я дернулся, представив себе такую мощь.

– Прирожденный маг?

Он отмахнулся.

– Нет, просто у нас есть сила. Одна на двоих.

– Господи, – сказал я искренне, – никогда о таком не слышал!

Он поморщился.

– Если бы мы тогда не были младенцами и умели скрывать свои умения!..

– И что случилось?

Он со злостью ударил кулаком по столу.

– Как только взрослые поняли, что наша сила возрастает стократ, когда мы рядом, нас тут же разъединили. Уже потом я узнал, что вот так прямо в колыбелях обоих развезли на противоположные края света!.. И теперь уже нет в живых тех, кто это сделал.

Я спросил с сочувствием:

– И вы начали искать брата?

Он ответил с яростью:

– Возможно, он тоже меня ищет!..

– Барон, – сказал я с сочувствием, – но вы все равно владеете огромной мощью! Вы сильны и абсолютно здоровы, а другие в вашем возрасте уже не покидают кресла с теплым пледом... А еще ваша способность творить посуду и пищу... Уверен, это не все...

Он отмахнулся.

– Конечно, не все! Но это жалкие крохи. Будь мы с братом, я смог бы двигать горы, поднимать дно морей, а любые армии превращать в пепел одним движением мизинца!.. Потому я так страстно добиваюсь... Но удалось так мало!

– Но все-таки добились?

Он отрезал хрипло со сдержанной яростью:

– За эти долгие годы надежд и страданий я выработал и развил в себе только повышенную сверхчувствительность. Теперь смутно ощущаю, в какой стороне находится мой брат!..

– Ого, – сказал я, но ощутил по спине холодок. – Поздравляю.

– В таких случаях поворачиваю коня в ту сторону, – сказал он со злым нетерпением, – и мчусь галопом.

– Вот и решение! – сказал я. – Поздравляю, барон! Вы своего добились.

Он прорычал утомленно:

– Только вот эта незримая связь иногда исчезает!

– Подумать только, – сказал я. – Брат от вас закрывается?

– Это как? – спросил он, потом покачал головой. – Нет, от такого не закрыться. Он – это часть меня. Просто... как бы исчезает. Вообще. Был – и нет. Я бешусь, бросаюсь на стены, деревья и скалы, крушу все вокруг в ярости... но через несколько дней, недель или месяцев незримая ниточка возникает снова.

– Может быть, – предположил я, – он исчезает только из этого мира?

Он посмотрел злыми глазами.

– А что, есть... Э-э, мне такое в голову не приходило... Значит, мы можем завоевать еще и тот мир?.. Я бы продал душу дьяволу, только бы тот помог мне отыскать брата!

– Не делайте такого, – предостерег я. – Плата всегда оказывается выше оказанной услуги.

– Я бы это сделал, – прорычал он.

Ел он быстро, лесной пожар не так споро уничтожает сухие кусты, как он очистил блюда, а когда хозяин принес наконец заказанное мясо, взялся и за него, но уже без такого азарта.

– У вас прекрасный конь, – сказал он с одобрением. – Как и этот пес, что чавкает под столом. Я что-то слышал о таких... Если он из тех, конечно.

– У меня хороший конь, – согласился я.

– Я возьму его, – сказал он просто, как о решенном деле, – а вам оставлю своего. Он тоже хорош, а еще в седельной суме найдете немало золота. Как видите, я беспримерно добр и щедр.

– Но конь мой, – возразил я. – И отдавать не хочу!

Он сжал в кулаке кубок, смяв, как листок бумаги, затем небрежно загладил выступы, словно это мягкий воск, и движением ногтя отправил шарик по всей столешнице на мою сторону.

Холодея, я взял шарик в ладонь. Еще горячий, так металл сопротивлялся насилию, тяжелый.

– Впечатляет, – признался я.

Он неприятно искривил губы.

– Как видите, мне лучше не перечить.

– Уже готовитесь в короли мира? – спросил я.

Он взглянул на меня с надменностью верблюда на ползущего у переднего копыта навозного жука.

– Я уже давно готов.

– Вас остановят, – сказал я.

– Такого еще не родилось, – произнес он надменно. – И не родится.

– Ох, барон, – ответил я с сильно бьющимся сердцем, – не рискуйте...

Он поднялся, по виду – злой, давно ему не перечили, я тоже встал и посмотрел ему в глаза.

Он не ударил, а отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Удар пришелся кистью в мою грудь, для видимости укрытую поверх доспеха Нимврода еще и кольчугой.

Острая боль пронзила мне внутренности, кровь брызнула из рта и ушей. Меня пронесло, как брошенное полено, через все помещение, шарахнуло в стену.

Бревна рассыпались, мое тело выпало наружу. Я хрипел и выл, такое ощущение, что кости переломанной грудной клетки срастаются с жуткой болью, темнеет в глазах, хотя, умом понимаю, незримый доспех не уступил внезапному удару,

это внезапное ускорение швырнуло меня, а кровь осталась было на месте...

Я поднялся на четвереньки, руки подломились в локтях. Только и увидел, как барон Родут легко вышел из таверны, на ходу доедая гусиную лапу.

За ним выбежал с криком трактирщик, Родут щелчком отправил наполовину обглоданную кость ему прямо в лицо. Трактирщик отшатнулся, колени подогнулись, он начал валиться лицом вниз. Я с омерзением увидел торчащую из его глаза кость, что наполовину погрузилась в мозг.

Родут, не обращая внимания на испуганные крики, подошел к коновязи. Зайчик всхрапнул, скинул голову и посмотрел на него дикими глазами.

– Теперь ты мой, – сказал ему Родут.

Я собрался силами и прохрипел:

– Зайчик... ко мне.

Он повернул голову, снова всхрапнул и... там исчез, а передо мной появился с такой скоростью, что меня качнула тугая стена воздуха.

Родут повернул голову в нашу сторону. Лицо начало разгораться даже не гневом, а удивлением и бешенством.

Я ухватился обеими руками за стремя.

– Вперед!

Я успел увидеть, как из глаз Родута плеснуло безумие, он ринулся ко мне, даже не вскочив в седло своего коня. Зайчик послушно пошел скачками.

Меня потащило по траве, доспех Нимврода послушно спасает от ударов и царапин, за нами задрожала земля. Я вскрикнул в ужасе, Родут, увеличиваясь в размерах, гонится за нами, делая шаги все шире и двигаясь все быстрее. – Прибавь! – закричал я.

Воздух засвистел в ушах, я подтянулся по путлищу и взобрался в седло. Родут, уже огромный, как дерево, мчится за нами, пригибаясь от ветра, но и Зайчик прибавил еще и еще, я трусливо оглядывался, наконец чудовищный великан начал отставать и вроде бы уменьшаться в размерах.

Мы мчались до тех пор, пока он не исчез на горизонте. Рядом с Зайчиком несется Адский Пес, в глазах мука и немой вопрос: ну почему нельзя было перегрызть ему горло?

– А вдруг он тебе сам перегрызет? – ответил я. – Знаешь ли, я все-таки тебя люблю и дорожу тобой, щеник мой толстолапый.

Он посмотрел на меня внимательно, чего это я называл толстолапым, а не привычно толстозадым. Зайчик тем временем спустился к ближайшей реке, где мы долго двигались вниз по течению, а когда выбрались на берег, я заставил еще и перескочить глубокое и настолько широкое ущелье, что у самого сердце екнуло, когда задние копыта Зайчика едва не сорвались с края.

– Ну все, – прошептал я, – успокойся, принц... Ты ему не нужен, это он так... со злости. Зайчик, все в порядке, отсюда поворачиваем уже к нам... Что, страшно было?.. Мне тоже...

Бобик помахал хвостом, уверяя, что а вот он абсолютно бесстрашен, с ним можно не бояться и двум таким отчаянным трусам, как мы с арбогастром.

Глава 10

Через несколько минут арбогастр взбежал на вершину знакомого холма. Я заранее настроился на благостный лад, сейчас откроется головной лагерь герцога Меганвэйла...

...и охнул, увидев только серые пятна выгоревшей земли на месте костров, дыры в земле от шестов для шатров и палаток, протоптанные дорожки, что ровной сетью остались там, где совсем недавно был лагерь.

Бобик весело гавкнул, я повернулся, в той стороне, куда он указывает мордой, тянется пыльное облачко за удаляющимся отрядом.

– Туда! – велел я Зайчику. – Посмотрим...

Он не успел разогнаться, как я начал притормаживать, всадники уже увидели меня и развернулись в мою сторону.

Один тут же ринулся навстречу.

– Ваше высочество!

Я узнал одного из сотников Норберта, которого тот оставил с отрядом для связи с основным войском.

– Что случилось?

– Все хорошо, – заверил он, – но часть войск слегка сдвинулась вперед, там позиции для боя как раз! Мы сами подбирали.

– Но за рекой уже Бриттия?

Он кивнул.

– Да. Но герцог сказал, что теперь и Бриттия под вашей рукой, а оборону удобнее занять между Нердером и Акхартом, туда сходятся все дороги. Здесь нас обошла одна армия Мунтвига с фланга, но, к счастью, наткнулась на армию стальграфа Мансфельда...

Я перевел дыхание.

– Прекрасно! Стальграф Мансфельд – опытный военачальник. Значит, теперь герцог Клемент перехватывает всех со стороны Севера?..

– Да, ваше высочество!

Я сказал с облегчением:

– Отлично. Новости настолько хорошие, что уже начинаю оглядываться, откуда-то да шарахнет по голове.

Разведчик заулыбался, счастливый, что всемогущий лорд откровенничает с ним.

– Ваше высочество, вы всегда все рассчитываете правильно!

– Хотелось, – сказал я с надеждой. – Хорошо, лагерь Меганвэйла, значит, между Нердером и Акхартом?

– Возле Нердера, – ответил обстоятельно разведчик. – Возле Акхарта войско Шварцкопфа, а также все остальные, начиная с вендоверцев и шателленцев.

– Хродульф и прочие лорды?

– С Меганвэйлом, естественно, ваше высочество!

– Естественно, – повторил я задумчиво. – Хорошо, спасибо. Бобик, не приставай!..

Я тронул Зайчика коленями и едва успел услышать завистливый вздох, как мы уже были за четверть мили и ушли все дальше и быстрее.

По дороге встретил еще два разъезда, один из разведчиков, Херн Ринне, оказался не только словоохотливым, но немало знающим о самом войске, лагерной жизни и взаимоотношениях между военачальниками.

Я слушал внимательно и думал с изумлением, что Норберт собирает, как муравей, сведения отовсюду, даже из такой дали, вдруг да пригодятся. Как сообщил Ринне, все полководцы, следуя примеру Меганвэйла, верховного командующего Южного фронта, днем и ночью находятся среди воинов.

Если Шварцкопф, Геллермин или Зигмунд Лихтенштейн с братьями и так обычно спали на голой земле у костров, не говоря уже о ко всему привычном сэре Растере, то теперь и высшим лордам Варт Генца: Хродульф, Хенгесту, Леофригу и даже Меревальду пришлось, чтобы заслужить репутацию, вместе со всеми переносить дождь, ветер, холод по утрам и пыльные бури в полдень.

Единственное, что все лорды делают без зубовного скрежета, – это отважно водят свои дружины на врага. Хродульф, надеясь на своих телохранителей, с полдюжины раз бросался в бой без доспехов, что льстило видевшим это воинам, но был трижды ранен стрелами и один раз мечом, но, к счастью, все легко.

Хорошо показал себя даже Меревальд, а уж про Хенгеста и Хродульфа говорить нечего: эти живут и дышат сражениями.

Зигмунда с братьями и его небольшим войском я не обнаружил, что удивило, но оказалось, что он, заскучав в однообразных боях, заявил, что признает командование над собой только сэра Ричарда или герцога Клемента, и углубился далеко вперед, а потом от него пришло известие, что попытается догнать армию принца Ричарда.

Прогремел стук копыт, в мою сторону мчится с развевающимися знаменами отряд блестящих рыцарей в дорогих одеждах. Впереди Меганвэйл, за ним, почтительно отстав на корпус коня, графы Арнубернуз, Фродвин и Буркхарт, с ними же и барон Хельмут, все такой же гигант и на своем странном коне, что с виду битюг, рожденный таскать тяжелую телегу, но я сам видел с какой балетной легкостью идет галопом.

Меганвэйл быстро соскочил с коня, выказывая, что еще не стар, красиво и с достоинством преклонил колени.

Я торопливо ухватил его за плечи и поднял с чувством неловкости, все не привыкну, что передо мной преклоняют колени люди намного старшие по возрасту.

– Герцог, прекратите! Прежде всего, мы друзья!

Он с улыбкой на суровом лице всматривался в меня, высокий и весь блестящий в доспехах из вестготской стали, глаза все такие же беспощадно ярко-синие, а голос прозвучал

отечески сурово:

– Ваше высочество, я безмерно польщен дружбой с вами, но дисциплина дисциплиной. Все должны видеть, что я преклоняю колени. Это обязывает и приучает!

– Да у нас, – возразил я, – и так вроде бы дисциплина...

– Ее надо поддерживать, – сказал он наставительно, как старший младшему.

– Да-да, – согласился я со смущением, – вы правы, герцог.

С коней слезли и стоят в почтительном молчании барон Эванс, правая рука Меганвэйла и его лучший стратег, Арнубернуз, Фродвин, Буркхарт и Хельмут, подскакали приотставшие Габрилас, Елиастер, Фитцуильям, я узнал еще Айвариказа и Дитвольфа, Николаса Бэрбоуна, Харли Квинна и Джизеса Крайста, Дарси Блэйка...

Все они поспешно покидали седла и преклоняли колени. Я оглядел их с отеческой улыбкой и величественным жестом велел подняться.

– Рад вас видеть, друзья, – сказал я тепло, хотя подумал, что слишком много у Меганвэйла его верных военачальников в одном месте, жизненно важно под разными предложениями разбросать их по разным армиям. – О, здесь даже сэр Герард, сын доблестного барона Валдуина!.. Помню-помню сражение при захвате пограничной крепости, где я впервые увидел этого отважного героя...

Юный Герард покраснел густо, как молодая стыдливая девушка, я улыбнулся ему и всем тепло и ласково.

– Встаньте и возрадуйтесь хорошим новостям!.. Наша ударная армия уже прошла королевства Бриттию, Ирам и победно вторглась в Пекланд!

Они поднялись, радостно зашумели. Меганвэйл спросил на правах старшего:

– До Сакранта рукой подать?

– Неделя пути, – заверил я. – А теперь, друзья, небольшой пир, где расскажете новости, а я расскажу свои, и решим, какие у нас будут следующие шаги.

Меганвэйл подошел, повинувшись моему жесту, я взял его под руку и повел впереди, остальные, тихо переговариваясь, двинулись на дистанции следом.

Я поинтересовался:

– Как на новом месте?

Он сказал с неловкостью:

– Ваше высочество, послушавшись вашего приказа, мы слегка углубились в земли Бриттии, зато какое стратегическое преимущество!

– А результат? – спросил я.

– Удалось остановить три армии Мунтвига, – доложил он гордо. – Сражения были, честно скажу, жестокие. Вооружение у них намного хуже, доспехи никакие, но отваги не занимать. Пока половину армии не вырубишь, как кустарник, остальные и не думают отступить!

Я вздохнул.

– Что делать, религиозные фанатики... Каков финал?

– Остатки их армий, – сказал он, – рассеяны, но часть, видимо, попытается пробраться дальними тропами в Варт Генц. Хотя что это им даст?.. В Варт Генце осталось достаточно войск. И будут ли еще армии?

– Будут, – заверил я. – Но не больше двух. Вышла и еще одна, но, думаю, вскоре повернет взад.

– За вашей ударной?

– Да.

– Значит, – произнес он с восторгом, – вы их там потрепали здорово!

– Да уж старались, – ответил я уклончиво. – Я смотрю, теперь у вас в самом деле армия, а не собрание войск?

– Армия, – заверил он. – В боях все перековываются заново. Тем более успешных!

– Где сэр Растер?

– Он со своими троллями, – объяснил Меганвэйл с кривой усмешкой, – предпочитает... иную тактику.

– Партизанскую?

Он кивнул.

– Да. Троллей не обучить сражаться в строю, зато эти зеленомордые бесподобны в ночных атаках.

– Они ночью видят, – напомнил я, – как мы днем.

– Это я не сразу понял, – признался он. – Не поверите, от какого-нибудь отряда в сто человек... гм, ста этих морд, бегут и тысячные войска!

Я зябко повел плечами.

– Еще бы! Когда среди ночи просыпаешься и видишь рядом огромную зеленую харю с вот такими клыками...

Он странно посмотрел на меня.

– Отважный вы человек, ваше высочество. А меня бог милдовал...

– Да ладно вам, – сказал я скромно, – вы же в походе.

Он перекрестился.

– Нет-нет, ваше высочество, здесь нам с вами не тягаться. Я уж лучше, как святой Антоний... Кстати, тролли за Растером в огонь и воду! С ним такая добыча достается... Особенно когда нападают на обозы. Все-таки тролли – народ очень бедный... Кстати, ваше высочество, хочу предупредить...

Голос его стал очень серьезным, я насторожился.

– Граф?

Он сказал шепотом:

– Прибыл отец Дитрих, архиепископ Сен-Мари и верховный инквизитор!

Я ощутил предостерегающий холодок на спине.

– Ого!

– Появился внезапно, – сказал он удрученно и все еще шепотом, даже огляделся по сторонам, – с ним двое священников, тоже на мулах... Никогда не думал, что мулы могут бегать так быстро!.. Или они у него с крыльями, как жуки? Он же из Сен-Мари?

– Да, – пробормотал я, – но, наверное, святая молитва хорошо надувает паруса.

– Церковь, – сказал он, – светлая сила, но темная штука.

– История мидян, – согласился я, – темна и непонятна.

Где он сейчас?

– Поехал объезжать лагерь, хочет убедиться в нашей стойкости против влияния церкви противника.

Я поморщился.

– Как будто простые воины, даже лорды, отличают одно религиозное течение от другого. Хорошо, дорогой друг, я сейчас переговорю с ним, а потом прибуду к вам. Нам есть что обсудить.

Он поклонился.

– Ваше высочество, всегда к вашим услугам.

Глава 11

Зайчик бодро пронес меня по лагерю, но отца Дитриха ни следа, хотя все уверяют, что святой отец был здесь только что. Бобик повел носом и пробежал немного, оглядываясь на меня.

– Давай, – согласился я. – Веди!

Бобик взыграл и ринулся через стену кустарника, где и стадо слонов не проломится. За ним остался узкий пролом, который мы с арбогастром расширили, не давая себя поцарапать. Я заметил, что даже сапоги остались целы, хотя острые и крепкие колючки чиркают по ним с такой силой, будто стараются вспороть и добраться до моих бедных косточек.

Дорога повела, как понимаю, в Акхарт. Его высокие башни увидел на возвышенности раньше, чем расположившийся внизу большой воинский лагерь с прямыми дорожками и поставленными по шнурку шатрами и палатками.

Первыми меня увидели конные разъезды, но я проскочил мимо них, как намыленная молния, а часовые на въезде в лагерь только и успели ахнуть, как я остановился перед ними.

– Смирно!.. Ладно-ладно, вольно... Отец Дитрих здесь?

Оба все еще таращили на меня глаза, одного одолела икотка, но второй сумел выдать:

– Ваше высочество, вы так не только до икотки... Отец Дитрих выехал в поле.

– Чего вдруг?

Он объяснил обстоятельно:

– Там легкие конники дурной воды попили, пять человек слегло, мучаются страшно! Вот он и поспешил.

– Спасибо, – сказал я. – В какую сторону?

Он кивнул на Бобика.

– Ваш кабан знает, аж визжит, что вы его не слушаете.

– Молодец, – сказал я. – Наблюдательный! Лови за прилежание в службе.

Я бросил ему золотую монету; арбогастр развернулся и ринулся вслед за Бобиком.

Два больших шатра мы увидели издали, а вокруг них не пять человек лежит, стеная, а расположился целый лазарет, по которому ходят как лекари, так и священники.

Я сразу разглядел отца Дитриха, пустил коня в его сторону. Он увидел меня издали, поспешно прервал разговор с монахом и заторопился навстречу.

Я одним прыжком покинул седло, преклонил колени и поцеловал ему дряблые сухие пальцы.

– Отец Дитрих!

– Встань, сын мой, – сказал он торопливо, – у меня важные новости. И незамедлительные! Пойдем в шатер, есть разговор.

Я подхватил его под локоть, даже не представляю, как в таком возрасте пускаться в подобную дальнюю дорогу, но у церкви свои тайны. Стражи почтительно распахнули перед

нами полог, оттуда пахнуло теплым воздухом.

В шатре уютно, в большой черной жаровне тлеют огромные угли. Стол завален бумагами, словно Меганвэйл живет здесь годы, на спинках кресел тоже разбросана одежда в великолепно мужской небрежности повелителей мира.

Когда все убрали и нас усадили за стол, я подождал, провожая взглядом последних уходящих стражей и лордов, спросил тихо:

– Отец Дитрих?

Он ответил так же негромко:

– Тебе стоит знать, что герцог Готфрид, будучи избран верховным магистром Ордена, развернул кипучую деятельность. Идет прием новых членов в Братство, а из старых уже сформирован первый отряд в тысячу благороднейших рыцарей высокого происхождения... и уже отправлен на помощь в борьбе с Мунтвигом.

Я спросил быстро:

– Куда?

– К тебе, – пояснил он. – А как иначе?

– Да кто герцога знает, – сказал я опасливо. – Он и раньше был не в моем подчинении, а сейчас тем более...

Он внимательно смотрел, как перед ним появляется большая чашка с горячим кофе.

– Спасибо, сын мой, – сказал он просто, – это очень кстати. Да, ты прав, ибо верховный магистр Ордена равен принцу крови... да не королевскому, а императорскому! Он не

подчинен даже королям, а только Его Святейшеству, да и то опосредованно.

– Ну вот...

Он взял чашку, некоторое время с наслаждением грел о ее выпуклые бока ладони, медленно отхлебнул.

– Его рыцари, – произнес он, – все будут под твоей рукой и под твоим командованием. Вторая новость, сын мой, похуже, увы...

– Отец Дитрих?

Он задержал чашку на полдороге, из груди вырвался вздох.

– Кейдан изо всех сил укрепляет свою власть! А еще старается перетащить на свою сторону и тех лордов, что получили земельные угодья от тебя, сын мой.

– Гад, – сказал я коротко. – Что с флотом?

Он сделал глоток, от удовольствия зажмурился. Я сделал и себе чашку побольше, припал к ней, как голодный паук к молодой толстой мухе.

– Работы продолжаются, – ответил он минуту спустя. – Новые корабли Кейдан вряд ли будет закладывать, но начатые закончит, иначе было бы бесхозяйственно.

Я вздохнул.

– Надо закладывать и новые!.. Океан велик.

Он сказал кратко:

– Надо. Тем более доходят тревожные вести с морей... Пока многое неясно, но ощутимо, что некто собирает огром-

ные силы.

Я стиснул челюсти, но смолчал, ругань приносит облегчение только простолюдинам. Он продолжал пить кофе мелкими осторожными глотками.

– Об этом «некто», – спросил я, – так ничего и нельзя узнать?

Он покачал головой.

– Увы.

– Возможно, это ни некто, а нечто?

Он ответил со вздохом:

– Верно. А как твои успехи?

– Все по плану, – заверил я бодро. – Отец Дитрих, вот что очень важное я все хочу сказать вам, да как-то либо время не выберу, чтобы вас не слишком беспокоить, то слов не на- собираю правильных...

Он посмотрел с удивлением.

– Сын мой, в твоём голосе тревога. Что случилось?

– Святой отец, – сказал я смиренно, – вы благословили меня на печатание Библии, дабы по экземпляру было в каждой церкви, а потом и в каждом селе...

Он улыбнулся.

– Сын мой, теперь верю, что когда-то осуществится и твоя заветная мечта насчет Библии в каждом доме!

– Спасибо, святой отец, – сказал я, – теперь чертежи по устройству типографий пошли из Геннегау по всему Сен-Мари! А оттуда и по королевствам. Этот процесс уже не оста-

новить...

Он переложил чашку в левую руку, перекрестился правой.

– Во славу Господа!

– Аминь, – сказал я. – Наше христианство, как все больше думаю, – это не столько вера в Бога, уж простите меня, отец Дитрих, сколько вера в человека! Вера в то, что можно раздуть искру, которую вдохнул Господь, в бушующее пламя. И человек станет... скажем мягко, намного ближе к Богу.

Он поерзал, проговорил морщась:

– Сын мой, ты говоришь так... как мы, иерархи церкви, говорим между собой в узком кругу. Но крестьянам такое не объяснишь. Пройдут не годы, столетия, пока...

– Книгопечатание, – прервал я, воспользовавшись неторопливостью его речи, – поможет ускорить созревание.

Он медленно кивнул.

– Да, это должно помочь. Поможет ли, не знаю, но должно бы помочь.

– Должно, – ответил я. – Однако же, отец Дитрих, в этом есть и некоторая опасность... Вообще-то не совсем некоторая, это я по природной трусливости сглаживаю.

Он посмотрел на меня в благостном удивлении, неторопливо взял печенье и с явным удовольствием ощутил его нежный изысканный вкус.

– Сын мой! Ты о чем?

– Грядет потеря монополии, – объяснил я, – на толкование

церковью тех или иных положений в Библии.

Он посерьезнел, но смотрел все так же спокойно.

– Разве это чем-то грозит?

– Немногим, – ответил я скромно. – Церковь за века существования создала довольно грамотную, хоть и громоздкую настройку на фундаменте Святого Завета. Толкования тех или иных слов Иисуса зашли настолько далеко, что новые толкования опираются на старые толкования, соглашались с ними, спорят или опровергают...

– Ну-ну?

– А теперь, – закончил я, – впервые широкие массы священников возьмут в руки экземпляр Библии и прочтут, так сказать, подлинник. Подлинник, а не толкование!

Он подумал, посерьезнел еще больше.

– Полагаешь, возникнут ереси?

– Обязательно, – согласился я. – Боюсь, вам стоило бы в какой-то мере предусмотреть эту возможность. Я даже вижу места, что дадут основание для ересей.

В его глазах появилось и начало разрастаться изумление.

– Сын мой... неужели ты настолько хорошо изучил Святое Писание? Я тебя ценю высоко...

– Спасибо, отец Дитрих.

– ...но все же недооценивал, – закончил он и добавил с улыбкой: – Ты умеешь, оказывается, не только создавать этот божественный напиток и эти удивительные лакомства...

Я перекрестился и сказал благочестиво:

– Как христианский государь и правитель, я должен хорошо и ясно видеть путь, по которому поведу людей. Да, святой отец, я в самом деле вижу такие места... Пусть смутно, как в тумане, но все-таки... Думаю, их больше, чем вижу. Уверен, вы узрите еще и еще, которые пропустил я.

Он неспешно допил кофе, поставил чашку на стол и только тогда пробормотал:

– Намекаешь, что я должен перечитать Библию... под таким углом?

Я поклонился.

– Я даже не смею о таком и думать дерзновенно.

– Но указал довольно недвусмысленно, – заметил он сухо и тут же раздраженно отмахнулся. – Да не извиняйся, тобой движет забота о нашей церкви, а это прощает абсолютно все!.. Хорошо, сын мой, я заново и очень внимательно перечитаю Библию.

Я сказал виновато:

– Простите, отец Дитрих.

Он отмахнулся.

– Ты прав, прав. Эти экземпляры, что пошли в народ, заставят священников строже относиться к своим обязанностям. Вопросы могут быть самые неожиданные!

Я поднялся, поклонился.

– Спасибо за понимание, отец Дитрих. Можно мне еще одну крохотную просьбу?

– Можно, – буркнул он, – только в самом ли деле она кро-

хотная?

– Совсем крохотнейшая, – заверил я. – Прочтите как можно внимательнее именно Ветхий Завет.

Он спросил настороженно:

– Почему?

– Некоторые священники, – ответил я очень дипломатично, – несколько увлеклись Новым Заветом. Они совершенно забыли, что он весь базируется на Ветхом. Или должен базироваться, как это подчеркивал сам Иисус Христос. А народ, читая Библию заново, это заметит...

Он не сводил с меня острого взгляда.

– Даже так?

– Увы, отец Дитрих.

Он проговорил с некоторым недоверием:

– Выходит, ты это заметил сам?.. Отец Келений, принесите мне экземпляр Библии!.. Немедленно!

Я вскочил, поцеловал ему руку и, кланяясь, отступил к выходу.

– Ваше преосвященство...

На входе почти столкнулся со священником, что стремглав неся в шатер с таким видом, словно все готов сокрушить на своем пути, а к груди прижимает отпечатанный и переплетенный в толстую зеленую медь экземпляр Библии весом примерно в пятнадцать-двадцать фунтов.

Глава 12

Наши вартгенские лорды, раз уж воинский лагерь оказался так близко к процветающему городу, который они, можно сказать, спасли от разграбления дикими ордами Мунтвига, почти сразу завели себе там резиденции, хотя в лагере все равно показываются часто, едят у костра вместе с воинами жесткое мясо, а иной раз спят вот так, прямо завернувшись в плащ и положив под голову конское седло.

Я пустил Зайчика к городским воротам; местные стражники не признали в здоровенном воине в простом кафтане того самого грозного Ричарда, только на коня уставились с благоговейным восторгом, а Бобик проскользнул за их спинами и понесся крупными скачками в город.

Горожане, судя по всему, от появления армии южан, какими считаемся мы, просто в восторге. Не столько потому, что вот явились защитники, все они одинаковы, но при таком обилии народа оживляется торговля, все эти военные продают за бесценок награбленное и добытое в боях, а взамен им можно всучить залежалый товар, дескать, в дороге пригодится.

Хродульф и остальные верховные лорды, как мне сообщили в их резиденциях, только что отбыли в ратушу на пир, устроенный отцами города в их честь.

Я поколебался, затем трезво подумал, что вартгенские

лорды при всем своем могуществе не играют особенной роли в этой военной кампании, как не сыграют и потом, когда пойдет речь о будущем самого Варт Генца, потому мне можно, так сказать, оставить сообщение, что принц Ричард был, заходил, хотел пообщаться, но не застал, увы, и отбыл...

От резиденции Меревальда, мрачного массивного дома в три этажа, я прошел напрямик через двор, западная часть отдана саду, там двигался между деревьями, тщательно выстраивая в уме доводы и стараясь подготовиться получше к будущим диспутам насчет реформации церкви.

Пугающе темные деревья расступаются неохотно, узкая дорожка петляла недолго, впереди выросла приземистая каменная громада.

Я сразу узнал склеп, явно здесь похоронено не одно поколение благородных лордов. Двери нет, склеп все-таки заброшен, я остановился у входа, там глубокая тень, а внизу всего один каменный гроб на постаменте.

Все стандартно, такое видел много раз, хотя здесь, внизу, рядом с постаментом громоздится темная глыба необработанного камня, похоже, гранит, словно его притащили для какой-то цели и забыли.

В черепе продолжают сталкиваться доводы о реформе, что при удаче может дать мне больше, чем даже перестройка армии на новый лад. Не сразу услышал легкий перестук каблучков, между деревьями показалась женская фигурка. В лунном свете холодно блеснули черные как уголь волосы,

но с металлическим блеском, платье подолом собирает опавшие листья, что тащатся некоторое время следом и нехотя остаются по краям дорожки.

Я замер в тени, женщина прошла совсем рядом, почти задев меня длинным рукавом, я только и успел заметить гордый профиль и вызывающе высокую крупную грудь.

Она исчезла в темноте склепа, только легкий стук каблучков по камню сообщает, что спускается в темноте достаточно уверенно, словно видит все отчетливо.

Нет, не видит, там внизу вспыхнул слабый огонек и разлился по темному помещению. Я осторожно вытянул шею. Женщина в глубине склепа поставила свечу, прикрывая ладонью от движения воздуха, в чашу светильника, под которым воск ровными волнами расплылся по каменным плитам на половину ярда, там его не меньше сорока фунтов.

Женщина подошла к постаменту с каменным гробом, лицо из надменно-гордого стало жалобным и виноватым. Я не успел глазом моргнуть, она грациозно вскинула руки, платье соскользнуло с такой легкостью, словно тело мраморное, и я невольно задержал дыхание.

Ей лет тридцать, если не больше, очень красивое сильное тело здоровой зрелой женщины, что уже раздевалась при мужчинах и знает, насколько хороша, но все равно высокая и четко очерченная грудь привлекает внимание: должна бы обвиснуть хоть чуть, но нет, на гравитацию внимания не обращает, а красные соски смотрят не вниз, а прямо перед со-

бой.

Она выдернула пару шпилек из башни волос, те свободно рассыпались по спине и плечам, но грудь так и не сумели закрыть. Я смотрел, задерживая дыхание, как она села прямо на пол, грудью легла на глыбу черного камня и, обхватив его нежными обнаженными руками, опустила на него и голову, прижавшись щекой.

На мой взгляд, поверхность там грубая, с острыми выступами, даже пару мгновений на такой глыбе вот так пролежать – мука, а эта прижалась роскошной грудью, обняла крепко и, похоже, не собирается подниматься.

– Прости, – донесся до меня тихий жалобный шепот. – Я сделаю все... я буду стараться!.. Я принадлежу только тебе... Ты должен это видеть...

В ночной тиши со стороны замка доносится музыка, веселые голоса, распеваяющие песни, а эта вот в склепе возлежит, упиваясь непонятной мне скорбью.

Не мое дело, сказал я себе твердо. Я, так сказать, народами повелеваю! По крайней мере армиями, а отдельные люди для меня – статистика.

Женщина все так же лежит обнаженная на этом камне в склепе, куда уже намело листьев и нанесло земли. Свеча горит ярко, еще я рассмотрел в углу нечто блистающее красным золотом вроде непомерно раздутого в нижней части кувшина с тремя поясами чеканки, фигурки отсюда не вижу, а кверху утончается грациозно и тоже фигурно.

С другой стороны от женщины в подрагивающем свете видна раскрытая книга, толстая, вот-вот рассыплется от ветхости, я бы такие велел переписать, но беда в том, что это будет мертвый слепок, те заклęcia точно не сработают, нужно именно вот отсюда, куда сам чародей вписывал, вкладывая в каждую букву и значок некую силу, помимо чернил, оставляя ее незримым...

Я тихонько перевел дыхание, еще не решив, показаться или уйти незаметно. Эмансипация женщин не просто желательна, она необходима. Если женщинам не давать равенства, они свою кипучую энергию начинают реализовывать вот так...

Конечно, большинство женщин – равнодушные коровы, но огромную массу человечества всегда двигало в ту или иную сторону меньшинство. Именно так, в ту или иную сторону.

Если женщинам не давать право хоть немножко рулить миром, они начинают реализовывать свою кипучую энергию в магии. А если учесть, что у женщин всегда эмоций больше, чем ума, то понятно, что у них за магия.

Я начал поворачиваться, чтобы уйти, под ногами зашестело, одна из каменных плит резко просела, словно подземные воды вымыли небольшую каверну. Я рухнул вместе с плитой чуть ли не до пояса в рыхлую землю, тут же начал выбираться обратно...

...над головой прозвенел дикий вскрик, на плечи с силой

обрушилось гибкое тело.

Лицом я больно ткнулся в мраморный край дверного пролета, извернулся, захватил женские длинные волосы и сдержнул с себя, а затем скатился с нею по ступенькам и там остался, подмяв ее своим тяжелым мужским телом.

Она бешено дергалась, пытаясь освободиться, я держал крепко, она начала задыхаться от усилий.

– Хватит, – прошипел я. – Замри и не двигайся! Это самая правильная позиция. Миссионерская!.. В такой позе миссионеры приобщали туземцев к высокой культуре христианства.

– Ты, – выдавила она с трудом, – сволочь...

– Правда? – спросил я с сомнением. – Хотя кто знает...

Она помотала головой, словно не желая встречаться со мной взглядом. Грудь ее чуть приподнялась, будто меня можно вот так сбросить, ага, как же, да еще с вот такой пышной.

Я продолжал удерживать ее тело, наконец она процедила сквозь зубы:

– Чего ты хочешь?

– Ага, – сказал я, – засомневалась?

– Вообще-то, – ответила она с ненавистью, – ты такой же... как и все.

– По реакциям, – согласился я, – а ты бы не была обижена... даже оскорблена, если бы я не среагировал на твои прелести?.. Господи, что за грудь, с ума сойти!..

Она наконец-то перестала избегать моего взгляда, глаза

темные и блестящие, как созревший чернослив, а тело слегка расслабилось.

– Вот так-то лучше, – сказал я, – расслабься и постарайся... нет-нет, я не в том смысле!.. Просто я заметно сильнее, не вырвешься. Хотя я и не собирался ничего, это ты на меня набросилась... Господи, а вдруг ты меня хотела изнасиловать?

Она прошипела люто:

– Размечтался!

– Мечты, – сказал я, – это... ладно, обойдемся. Я сейчас слезу, хотя и очень не хочется этого делать, а ты постарайся не набрасываться на меня, хорошо?.. Хотя если хочешь изнасиловать, то я и сопротивляться не буду так уж сильно. Ну, разве что малость, для виду, я такой застенчивый...

Она смотрела на меня ненавидяще, но и с недоумением.

– Слезай!

Я сполз очень медленно, вздыхая и жадно щупая взглядом каждый дюйм ее прекрасного тела, но, если честно, это больше для удовлетворения ее самолюбия, на самом деле видел и получше фигуры, я ж почти Гильгамеш.

Она быстро зыркнула по сторонам, но единственный выход из часовни находится с моей стороны – не выскочить, вздохнула и произнесла уже контролируемым голосом:

– А ты почему здесь?

– Просто не спалось, – ответил я честно.

– Ты кто? По одежде не скажешь, но по манерам явно из

знатных.

– Все мы знатного рода, – ответил я уклончиво, – ибо от Адама... ну, от Адама не все, конечно, но от Евы точно. А зовут меня Ричардом. Пока ты голая, прости, обнаженная, можешь звать меня Ричем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.